Елена Горская

Акт до осмотра

«Автор»
2026

Горская Е.

Акт до осмотра / Е. Горская — «Автор», 2026

Страховой эксперт Максим Руднев приезжает в новый жилой комплекс проверить пожар в кладовой и гибель подрядчика. Но отказ в выплате уже подписан — за сорок минут до официального вызова пожарных и до любого осмотра.Камеры комплекса показывали жильцам живую картинку, но не сохраняли запись. Сестра погибшего не доверяет ни застройщику, ни страховщику и ведёт собственное расследование. Вместе с Максимом они восстанавливают события по воде в стояке, строительной пыли, чужой фотографии розетки и подписи, поставленной после смерти владельца.Чтобы открыть дело заново, Максиму придётся признать не только чужую подделку, но и собственные удобные решения. «Акт до осмотра» — современный детектив о цене готовой версии и о праве честно сказать: это ещё не установлено.

© Горская Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора 5
Глава 1. Отказ готов 6
Глава 2. Кладовая без окна 13
Глава 3. Чёрные камеры 22
Глава 4. Вода выше огня 32
Глава 5. Сестра против акта 40
Глава 6. Сорванная пломба 48
Глава 7. Последний наряд 55
Глава 8. Ключ от пустого этажа 62
Конец ознакомительного фрагмента. 64

Елена Горская
Акт до осмотра

От автора

Страховой акт выглядит окончательным: дата, подпись, причина, сумма. Но любой такой лист появляется после чьей-то работы — или вместо неё. Эта история о расследовании, в котором готовый вывод возник раньше осмотра, а значит, сам стал уликой.

В романе нет всевидящих камер и единственного признания, решающего всё. Истина складывается из обычных вещей: воды в трубе, пыли на ботинках, времени печати, чужой электронной подписи. Важно не только найти человека, скрывшего правду, но и разделить ответственность тех, кто помог удобной версии стать официальной.

Все профессиональные подробности служат сюжету. Это не руководство по страховым спорам, пожарной безопасности или расследованию происшествий. Главное здесь — простой вопрос, полезный далеко за пределами любого дела: что человек увидел сам, что проверил и почему вывод оказался написан раньше фактов.

Глава 1. Отказ готов

В половине девятого утра Максим Руднев ещё верил, что худшей частью дня будет разговор о повышении.

Он пришёл раньше Нины Корнеевой, поставил на край стола бумажный стакан с кофе и открыл ведомость сложных убытков. В ней было семь строк. Четыре ждали документов, две — осмотра, одна — его подписи. Если до конца месяца отдел удержит срок, Нина обещала передать Максиму группу из трёх экспертов. Не должность начальника, говорила она, а проба веса. Максим соглашался на пробу. В тридцать девять лет он научился не спорить с названиями, если за ними стояли люди, решения и прибавка, которой хватило бы закрывать ипотеку за пустующую квартиру матери без ежемесячной арифметики.

Квартира пустовала второй год. Продавать её Максим не хотел, сдавать не успевал, а жить там после больницы не мог. Каждый платёж приходил напоминанием, что отсутствие тоже занимает квадратные метры.

Он отпил кофе, поморщился и открыл последнее дело.

На экране появилось серое окно: «ЖК “Северная линия”, корпус 4, секция А. Пожар в помещении общего имущества. Предварительный размер ущерба — не установлен». Ниже мигал красный значок срочности. Вложений было больше обычного: заявление управляющей компании, фотографии закопчённой двери, список повреждённого имущества, справка о госпитализации одного человека. Последний файл назывался «Отказ_итог».

Максим перестал двигать мышь.

Итоговые документы не лежали в новых делах. Иногда помощник прикладывал шаблон, но тогда в названии стояло «черновик», а поля оставались пустыми. Здесь файл был подписан электронной подписью начальника отдела и зарегистрирован в системе исходящих.

Максим открыл его.

«Событие не обладает признаками страхового случая в связи с эксплуатацией самовольно смонтированной электрической линии в помещении, не предусмотренном для хранения личного имущества».

Дальше шли три абзаца условий договора, сумма резерва — ноль и поручение закрыть дело. Причиной пожара называлось короткое замыкание в розетке кладовой. Основанием — акт осмотра специалиста.

Самого акта среди вложений не было.

Максим проверил карточку события. Первый звонок в круглосуточный центр поступил в 22:17. Пожарных вызвали в 21:54. Отказ создали в 21:13.

За сорок одну минуту до официального вызова.

Он решил, что смотрит не на ту строку. Обновил страницу, закрыл документ, открыл снова. Время не изменилось. Подпись Нины прошла проверку. В истории файла значилось: создан пользователем Н. А. Корнеева, сохранён, подписан, передан в исходящие. Получателя система не показывала.

Максим набрал внутренний номер начальницы. Телефон на её столе за стеклянной перегородкой зазвонил в пустом кабинете.

— Руднев, тебя уже ищут, — сказала Света из приёмной, не поднимая головы от монитора. — По пожару. Там погибший.

Максим снова посмотрел на справку. «Госпитализирован» было написано ночью. В журнале обновлений появилась свежая строка: «Круглов Артём Ильич, смерть в 06:35».

Кофе сразу стал лишним. Максим отодвинул стакан.

— Кто ищет?

— Управляющая, застройщик, какая-то родственница. И служба безопасности спрашивала, кто выезжает. Я сказала, что дело у тебя.

— Кто назначил?

Света наконец посмотрела на него.

— Нина. Вчера вечером. Тут всё в карточке.

— В карточке есть то, чего там быть не должно.

— Тогда тем более к Нине.

Максим ещё раз позвонил ей на мобильный. Абонент был недоступен. Он оставил короткое сообщение: «В деле по “Северной линии” зарегистрирован отказ до вызова. Выезжаю без подтверждения причины. Позвоните».

Слова «без подтверждения причины» были для них почти руганью. В отделе любили быстрые причины. Они превращали живой беспорядок в понятную сумму: залив из квартиры, скачок напряжения, нарушение хранения. По причине выбирали пункт правил, по пункту — платить или отказывать. Максим за двенадцать лет привык начинать с обратного: сначала смотреть, что случилось с вещами, а потом решать, какое слово выдержит их вес. Именно этому его когда-то научила Нина.

Он распечатал отказ. Принтер выплюнул два тёплых листа. На втором синей полосой тянулась служебная отметка: «Осмотр проведён экспертом М. В. Рудневым».

Максим перечитал строку дважды.

Вчера в 21:13 он сидел в метро между «Полежаевской» и «Беговой». Телефон разрядился, ноутбук лежал дома. В «Северной линии» он никогда не был.

Он сложил листы в прозрачную папку, взял измеритель, фонарь, маску, перчатки и запасные бахилы. Потом открыл журнал назначений и поставил отметку: «Причина не подтверждена. Требуется первичный осмотр». Система попросила объяснить, почему он меняет решение начальника. Максим написал: «Отсутствует акт, на который ссылается решение». Про время пока не упомянул. Не из осторожности — ему хотелось сначала услышать Нину.

У выхода Света догнала его с планшетом.

— Подпиши получение дела.

— Я уже назначен со вчерашнего вечера.

— Это другое. Служба безопасности просит цепочку передачи после сообщения о смерти.

Максим провёл пальцем по экрану, но до кнопки не дотронулся.

— Во сколько они попросили?

— В семь сорок восемь.

— А кто сообщил им о событии?

— Не знаю. Максим, у меня очередь звонков.

Он подписал. Планшет показал точное время — 08:43:12. Такая точность обычно успокаивала. Сегодня она казалась насмешкой.

До «Северной линии» было сорок минут по навигатору. Максим потратил пять, чтобы сфотографировать на рабочий телефон экран с историей файла. Снимок получился с бликом, но время читалось. Он отправил его себе на защищённую почту и только после этого закрыл кабинет.

Новый жилой комплекс начинался с рекламного щита. На нём семья в одинаковых белых свитерах завтракала у окна, за которым стояли сосны. Настоящие сосны остались за строительным забором, а между четырьмя башнями лежал двор из серой плитки. Ветер катал по нему пустой мешок из-под смеси. У подъездов толпились люди: кто-то снимал закопчённое окно цокольного этажа, кто-то спорил с охранником, женщины в куртках поверх домашней одежды держали детей за руки.

На въезде Максима остановил шлагбаум.

— К кому? — спросил охранник через щель в окне будки.

Максим показал удостоверение.

— Страховая. Корпус четыре.

— Поздно приехали. Уже всё осмотрели.

— Кто?

— Все, кому надо.

— Назовите фамилии.

Охранник прищурился, словно Максим предложил ему решить чужую семейную ссору.

— Пожарные, полиция, наши. Пропуск сейчас оформлю.

Над будкой висел чёрный полусферический купол камеры. Рядом светился зелёный огонёк.

— Запись со въезда сохранилась?

— Конечно. У нас весь двор в камерах.

— Тогда отметьте, что страховая запросит копию с восьми вечера до полуночи.

Охранник записал номер машины на обороте рекламной листовки. Максим заметил это, но спорить не стал. Убедительные системы часто начинались с зелёного огонька и заканчивались карандашом на бумажке.

У четвёртого корпуса его встретил мужчина в новой каске и чистых ботинках.

— Сергей Лавров, гарантийная служба застройщика. — Он протянул руку быстро, как карточку. — Наконец-то. Мы ночью дали вашей компании все материалы. Причина очевидна: жильцы устроили склад, протянули питание, получили возгорание. Сейчас главное — снять напряжение. Люди взвинчены.

— Откуда вы знаете, какие материалы получила моя компания?

Лавров чуть задержал улыбку.

— Ваш дежурный специалист созванивался с нашим диспетчером.

— Фамилия специалиста?

— Не запомнил. Женщина.

— Во сколько?

— После пожарных. Около десяти.

Максим достал блокнот.

— Точнее можно узнать у диспетчера. Помещение опечатано?

— Следователь закончила первичный осмотр. Лента стоит. Мы ничего не трогаем, хотя жильцы требуют вернуть воду и электричество. Вы же понимаете: дом новый, четыре сотни квартир. Нельзя держать людей без услуг из-за понятного бытового нарушения.

— Человек умер не из-за требования жильцов.

— Я не это сказал.

— Но хотите, чтобы я начал с удобства дома.

Лавров поправил ремешок каски.

— Хочу, чтобы каждый занимался своей частью. Уголовной — следователь. Страховой — вы. Технической — мы.

— Если техническую часть проверяете только вы, остальных частей скоро не останется.

Из подъезда вышла женщина с прозрачным пакетом в руке. На пакете чёрным маркером было написано «АРТЁМ». Она шла прямо к ним, не обходя лужу, и вода сразу потемнила носки её ботинок. Ей было около тридцати пяти. Волосы собраны кое-как, под глазами серые тени, но взгляд был не растерянным — злым и точным.

— Кто из вас Руднев?

Максим назвался.

Женщина вынула из пакета два листа в пластиковом файле. Сверху лежала копия отказа.

— Это вы осматривали кладовую вчера в девять вечера?

Лавров тихо выдохнул. Максим услышал.

— Нет.

— Здесь написано, что вы.

— Вижу.

— И подпись вашей начальницы. И причина. И фраза, что личные вещи жильцов помешали работе противопожарного оборудования. В девять тринадцать. Моему брату вызвали скорую после десяти.

— Пожарных вызвали в девять пятьдесят четыре, — сказал Максим.

— Значит, вы уже считали минуты.

— С утра.

— А я с ночи.

Она протянула листы, но не отпустила, когда Максим взялся за край файла.

— Дарья Круглова. Артём был моим братом. Ваши люди прислали этот отказ в управляющую компанию ночью, пока врачи пытались его спасти. Председатель дома переслала мне. Теперь застройщик говорит, что Артём полез чинить чужую розетку без наряда. Он не электрик. Он занимался гарантийными узлами водоснабжения и проходками труб.

— Дарья, мы уже говорили, — вмешался Лавров. — Артём выполнял разные работы. В аварии люди не всегда действуют по должностной инструкции.

— Особенно мёртвые. Им потом можно назначить любую инструкцию.

Максим потянул файл чуть сильнее. Дарья отпустила.

Копия была не той, что он распечатал в офисе. Внизу стоял номер исходящего и адрес управляющей компании. Значит, документ не просто зарегистрировали — его отправили. На полях виднелась тонкая серая полоса, будто лист прошёл через старый сканер.

— Откуда у председателя бумажная копия?

— Ей сунули в руки утром. Спросите у неё.

— Оригинал у вас?

— Оригинал чего? Бумаги, которой вы заранее решили, что мой брат виноват?

— Листа с отметками передачи. Он поможет установить, откуда документ вышел.

Дарья посмотрела на него внимательнее.

— Вы сейчас собираетесь изображать, что не знали?

— Я собираюсь осмотреть место, которого, согласно этой бумаге, уже касался вчера. Потом установлю, кто использовал моё имя.

— И сами себя проверите?

— Нет. Моё действие в системе увидит служба безопасности. Уголовное дело ведёт следователь. Вы можете передать копию ей.

— Удобно разделили ответственность.

— Это не удобство. Если я начну выдавать себя за следователя, мой вывод развалится первым же вопросом. Но страховой отказ я могу остановить.

Лавров шагнул между ними, словно разговор стал частью его территории.

— Отказ основан не на смерти. Застраховано имущество. В кладовой действительно хранились вещи, там действительно была розетка. Не надо смешивать трагедию и договор.

Максим повернул к нему копию.

— Здесь есть ссылка на мой осмотр. Его не было. Этого достаточно, чтобы не считать документ основанным хоть на чём-то.

— Техническая ошибка в шаблоне.

— Тогда почему шаблон отправили?

Лавров не ответил. Ветер прижал к мокрой плитке жёлтую ленту с надписью «Проход запрещён». За стеклянной дверью подъезда собрались жильцы. Несколько телефонов уже смотрели на них.

Дарья заметила телефоны и понизила голос.

— В кладовой был рюкзак Артёма. Серый, с оранжевой петлёй. Полиция мне его не отдала. У застройщика в списке вещей его нет.

— Вы видели рюкзак после пожара?

— Утром, через открытую дверь. Потом меня вывели.

— Что в нём было?

— Рабочие бумаги. Он три недели собирал дефекты по дому. Вчера сказал, что нашёл причину протечек и что теперь его заставят переписать журнал. Это последние слова, которые я от него слышала.

Лавров покачал головой.

— Она была в шоке. Никакого журнала у Артёма по форме не предусмотрено.

— Я не вас спросил, — сказал Максим.

Дарья достала телефон.

— У меня есть его сообщение.

— Покажите следователю и сохраните исходный файл. Не пересылайте по десяти чатам, не обрезайте и не подписывайте поверх.

— А вам?

— Мне — только если следователь разрешит снять копию для страхового дела.

На секунду злость на её лице сменилась недоверием другого рода. Она явно ожидала, что он потребует телефон. Максим знал этот взгляд: человек приготовился защищать вещь, а ему предложили сохранить её самому.

— Вы даже не хотите услышать?

— Хочу. Но сначала хочу, чтобы сообщение осталось доказательством, а не слухом между нами.

Из подъезда вышла невысокая женщина в тёмно-синей куртке. Она показала удостоверение так, чтобы его увидели все трое.

— Соколова Инга Петровна, следственный отдел. Кто страховой эксперт?

Максим поднял руку.

— Проходите со мной. Только смотреть с обозначенной границы. Ничего не трогать. Фото после моего разрешения.

— У него акт уже готов, — сказала Дарья.

Соколова перевела взгляд с неё на Максима.

— Какой акт?

Максим передал ей копию отказа.

Следователь прочитала первую страницу, затем вторую. На времени создания задержалась ненадолго, но палец оставила возле строки.

— Ваш осмотр?

— Нет. Я приехал впервые.

— Подпись?

— Начальницы отдела. Проверку в нашей системе прошла.

— Документ был у вас до сообщения о пожаре?

Лавров начал отвечать, но Соколова остановила его ладонью.

— Я спросила эксперта.

— В карточке он создан в двадцать один тринадцать, — сказал Максим. — Первый официальный вызов пожарных — в двадцать один пятьдесят четыре. Обращение в страховую — в двадцать два семнадцать. Я сохранил историю файла.

— Телефон и снимок не удалять. Из системы сегодня ничего не выгружать без копии. Фамилии тех, кто имел доступ, подготовите.

— Подготовлю.

Соколова вернула лист Дарье.

— Оригинал этой копии принесите мне. И телефон брата тоже покажите, не отдавая посторонним.

— Он мне не посторонний? — Дарья кивнула на Максима.

— Для уголовного дела — посторонний специалист. Для своей проверки он действует отдельно. Если понадобится совместный осмотр, оформим.

— Вот видите, — тихо сказал Максим.

— Пока вижу только бумагу, которая появилась раньше события, — ответила Соколова. — Пойдёмте. И каску наденьте.

В тамбуре пахло мокрым бетоном и гарью. Лифт не работал, на дверях висела распечатка «Технический перерыв». Они спустились по лестнице на цокольный этаж. Чем ниже, тем сильнее становился запах — не густой дым, а кислая смесь обгоревшего пластика, сырой штукатурки и воды, простоявшей ночь на полу.

У коридора стояла лента. За ней виднелась металлическая дверь кладовой, почерневшая сверху. По стене тянулся вертикальный след копоти. Рядом был открыт технический шкаф со стояками. На полу блестела вода.

Максим остановился, не доходя до ленты.

— Электричество отключено?

— На линии помещения — да, — сказала Соколова. — Общие щиты под напряжением.

Он включил фонарь и направил луч не в кладовую, а на потолок коридора. Копоть легла широким веером над дверью, однако вокруг кабельного ввода стена была заметно светлее. Ниже, у порога, лежали обугленные остатки деревянного стеллажа. Розетка, которую в отказе назвали причиной, находилась на дальней стене. Отсюда её почти не было видно.

— Кто указал розетку как очаг? — спросил Максим.

— Предварительное мнение представителя застройщика, — ответила Соколова. — Пожарный дознаватель заключения не давал.

— У нас она уже стала установленной причиной.

— У вас многое быстро происходит.

Максим присел у границы, не касаясь пола. Вода выходила из технического шкафа тонкой тёмной дорожкой, огибала порог кладовой и уходила к сливу. На серой пыли сохранились края двух следов обуви. Один след пересекала засохшая полоса, оставленная раньше свежей лужи.

— Воду подавали ночью после тушения?

— Стояк перекрывали, потом кратко открывали для проверки, — сказала Соколова. — Точное время запросили.

Из-за спины раздался голос Лаврова:

— Там лопнула подводка от температуры. Обычная вторичная авария.

Он всё-таки спустился за ними и стоял теперь у лестницы в белых бахилах поверх чистых ботинок.

Максим посветил на трубу. На высоте колена металл был мокрым, выше — сухим. Возле перекрытия чернело круглое отверстие, где труба уходила наверх. По краю отверстия висели клочья серого материала.

— Если подводка лопнула от жара, вода пошла после начала пожара, — сказал Максим. — А след под лужей мог появиться раньше открытия стояка. Нужно время перекрытия и открытия, фотографии пожарных и показания счётчика, если они сохранились.

— Вы по одной грязной полосе строите версию? — спросил Лавров.

— Нет. Я по ней не принимаю готовую.

Соколова посмотрела на отверстие вокруг трубы.

— Что там должно быть?

— Заполнение прохода, которое не даёт дыму свободно идти между этажами. Какое именно — пусть определит пожарный специалист по проекту и остаткам. Я пока вижу, что край повреждён и часть материала отсутствует.

— От пожара, — повторил Лавров.

— Возможно.

Максим поднялся. Сквозь приоткрытую дверь кладовой он увидел серый рюкзак. Оранжевая петля почернела с одного края, но была различима. Рюкзак лежал под опрокинутой металлической полкой, дальше указанной в схеме очага.

— Следователь, вещь погибшего, о которой говорила сестра. Внутри помещения, у правой стены.

Соколова проследила за лучом.

— Зафиксирован. Изымать будем при повторном осмотре.

Лавров шагнул ближе к ленте.

— Наши специалисты его не видели.

— Ваши специалисты ночью дали достаточно материала, чтобы страховая отказала до вызова, — сказала Соколова. — Теперь стойте там, где стоите.

Максим выключил фонарь. В темноте цоколя особенно ясно было видно зелёное свечение ещё одной камеры под потолком.

— Запись отсюда запросили? — спросил он.

— Управляющая говорит, сервер не был введён в эксплуатацию, — ответила Соколова. — Камеры показывали живую картинку на посту, но архив не писали.

Наверху охранник уверял, что весь двор под наблюдением. Здесь зелёный огонёк обещал то же самое. Дом был набит устройствами, документами и людьми, которые видели каждый свою часть. Но запись не сохранялась, акт появился до осмотра, а рюкзак погибшего исчез из чужого списка, оставаясь на месте.

Максим достал копию отказа и перечеркнул карандашом слово «итог» в имени файла, напечатанном мелким шрифтом внизу страницы.

— Что вы делаете? — спросила Соколова.

— Помечаю свою рабочую копию. Этот вывод не готов.

Телефон завибрировал в кармане. На экране появилось имя Нины Корнеевой.

Максим посмотрел на время — 10:06 — и принял вызов.

— Ты на объекте? — спросила Нина без приветствия.

— Да.

— Ничего не меняй в деле. Отказ был технической заготовкой. Я объясню.

— Его отправили управляющей компании. В нём указан мой осмотр.

На линии стало тихо. Не связь оборвалась — Максим слышал, как Нина дышит.

— Вернись в офис, — сказала она. — Сейчас.

Он посмотрел на воду, медленно ползущую из технического шкафа, на край прохода вокруг трубы и на рюкзак с оранжевой петлёй.

— Вернусь после первичного осмотра.

— Максим, это распоряжение.

— Тогда внесите его в карточку дела. С точным временем.

Он завершил вызов раньше начальницы. Впервые за двенадцать лет работы.

Глава 2. Кладовая без окна

После разговора с Ниной тишина продержалась ровно три секунды.

Потом Лавров спросил:

— Мы закончили?

Он произнёс это так, будто завершение осмотра зависело от хорошего воспитания гостя. Максим убрал телефон во внутренний карман и посмотрел на Соколову.

— Мне нужен официальный допуск внутрь. С указанием времени, состояния пломбы и фамилий присутствующих. Я ничего не изымаю и не вскрываю. Только фотографирую то, что доступно, и проверяю электрическую линию без подачи напряжения.

— До пожарного специалиста розетку не трогать, — сказала Соколова.

— Не буду.

— Рюкзак тоже.

— Понял.

Соколова сняла с планшета резинку, открыла форму дополнительного осмотра и стала перечислять вслух: кладовая номер К-17, цокольный этаж, корпус четыре, лента цела, бумажная пломба на двери повреждений не имеет. Максим сверял каждое слово с тем, что видел. Бумажная пломба действительно держалась на двух полосках прозрачной ленты. На левом краю под лентой застрял короткий чёрный волосок от щётки или ткани. Если дверь открывали после опечатывания, это можно было установить только по новой складке бумаги, но складок Максим не заметил.

Лавров назвал должность полностью: руководитель гарантийной службы общества с ограниченной ответственностью «Северстрой-сервис». Дарью в список Соколова не внесла.

— Я присутствую, — сказала та.

Она стояла у лестницы, сжимая прозрачный пакет с вещами брата. Максим не заметил, когда она спустилась следом. На её куртке высохли пятна дворовой воды.

— Вы присутствуете в коридоре, — ответила Соколова. — В помещение не заходите.

— Почему он может?

— Потому что он заявил ходатайство как специалист страховой компании, отвечает за свои действия и будет указан в бумагах. Вы потерпевшая, а не специалист осмотра.

— Я инженер-сметчик. Я читала проекты этого дома лучше, чем половина тех, кто его строил.

— Тогда вы знаете, что квалификация не отменяет порядок допуска.

Дарья повернулась к Максиму.

— Вас устраивает, что меня оставят за дверью, а рядом с вами пойдёт человек застройщика?

— Нет, — сказал Максим. — Но устраивать порядок здесь не мне.

— Очень удобный ответ.

— Удобным было бы взять вас внутрь, дать коснуться рюкзака и потом списать любой спор на испорченное место. Я этого не сделаю.

Дарья побледнела, хотя в цоколе и без того был серый свет.

— Я не собиралась портить место.

— Вчера вы вошли через открытую дверь.

— Потому что моего брата увезли, а никто не говорил куда.

— Я не обвиняю вас. Я объясняю, почему сейчас лучше остаться здесь.

— Вы объясняете мне, как правильно стоять возле комнаты, где умер Артём.

Соколова подняла взгляд от планшета.

— Дарья Ильинична, если хотите помочь, запишите всё, что помните о рюкзаке: карманы, бумаги, повреждения до пожара. Не фотографию из головы, а то, что точно знали раньше. Это полезнее спора.

Дарья ничего не ответила. Достала телефон, открыла заметки и отошла к стене.

Максим расписался на экране планшета. Соколова разрезала старую ленту у двери, не снимая пломбу, и наклеила рядом полоску с новым временем: 10:19. Затем надела маску и кивнула пожарному дознавателю, который ждал наверху. Тот спустился с металлическим чемоданом, представился Павлом Юдиным и сразу предупредил:

— Заключения сегодня не будет. Я беру смывы и остатки проводки. Вопросы задавайте, но в руки ничего не получаете.

— Мне достаточно видеть, — сказал Максим.

— Всем сначала достаточно.

Дверь открылась внутрь на ладонь и упёрлась в разбухшую от воды коробку. Юдин просунул руку, осторожно сдвинул коробку багром и открыл проход. Из кладовой вышел тяжёлый холодный запах. Ночью здесь уже выгорело всё, чему полагалось гореть, но стены продолжали отдавать гарь, как мокрая одежда отдаёт табачный дым после возвращения домой.

Окна в кладовой не было. Единственная лампа под потолком лопнула, и помещение делилось на то, что выхватывал фонарь, и чёрное вокруг. Максим включил нагрудную камеру, вслух назвал дату, время и фамилии. Соколова повторила, что запись страховой компании не заменяет следственную.

Первым Максим снял дверной проём. Копоть шла над ним наружу, а внутри сильнее всего почернел верх стены справа. На полу лежали банки с засохшей краской, две детские санки, кусок столешницы, свёрнутый ковёр и остатки деревянного стеллажа. Отказ называл помещение складом личного имущества жильцов. В этом он не лгал. Но наличие вещей не объясняло, где начался огонь и почему погиб человек.

Розетка находилась на дальней стене, примерно в метре от пола. Пластиковая накладка оплавилась и сползла, оставив вокруг винта коричневый венчик. Над ней стена была чёрной, но не самой чёрной в комнате. Кабель уходил вверх в белом коробе, который раскрылся от жара. В двух метрах левее стоял металлический шкафчик с инструментами. Его правая дверца выгнулась наружу.

— Вот, — сказал Лавров из дверей. — Розетка. От неё вверх всё выгорело.

Юдин не обернулся.

— За лентой стойте.

— Я просто показываю.

— Тогда покажите молча.

Максим присел, не наступая на отмеченные участки пола. Перед розеткой лежал удлинитель. Его вилка не была вставлена. Провод уходил под остатки стеллажа, а свободный конец лежал у порога. Изоляция на нём вздулась, но медные жилы не были видны.

— В момент первого осмотра вилка была здесь? — спросил Максим.

Соколова сверилась с ночными фотографиями.

— На снимке лежит так же. Ракурс другой, но в розетку не включена.

— Её могли выдернуть пожарные, — сказал Лавров.

— Могли, — согласился Максим.

Лавров явно ждал возражения и растерялся от согласия.

Максим попросил показать снимок. Соколова приблизила экран, не отдавая планшет. На ночной фотографии по мокрому полу тянулся чёрный кабель. Вилка лежала штырями вверх. Возле неё виднелся чистый прямоугольник на копоти, словно до тушения здесь стоял небольшой предмет.

— Пожарные отмечали, что отключали удлинитель?

— Запросим у караула, — сказала Соколова.

Юдин поставил возле розетки номерной флажок и начал снимать стену с разных углов. Потом поднёс зеркало к нижнему краю коробки.

— Накладку сегодня не снимаем, — повторил он. — Сначала общий осмотр.

Максим направил фонарь вдоль стены. Если пламя поднималось от розетки, след обычно расширялся кверху от неё. Здесь копоть действительно образовала тёмный язык, но его нижняя часть начиналась не у накладки. Между розеткой и самым тёмным участком оставалась неровная светлая полоса шириной с ладонь. Она могла возникнуть из-за стоявшей вещи, воды или особенностей воздуха. Одной полосы было мало.

Он посмотрел выше. Пластиковый короб над розеткой расплавился сильнее с внешней стороны, обращённой к центру кладовой. Со стороны стены его основание частично сохранилось. Жар пришёл к коробу из комнаты, а не обязательно вышел из него. Это тоже не доказывало, откуда именно пришёл жар, но готовая фраза «короткое замыкание в розетке» переставала быть очевидной.

— Павел, можно зафиксировать разницу повреждений короба?

— Уже фиксирую.

— С наружной стороны деформация глубже.

— Вижу.

— Это исключает внутренний нагрев?

Юдин оторвался от камеры.

— Не заставляйте меня отвечать раньше исследования. Внешнее воздействие вижу. Что было первым, скажу после разборки и снимков проводников.

— Именно это мне и нужно.

Максим проговорил в нагрудную камеру: характер повреждений требует исследования; источник в розетке на месте не подтверждён и не исключён. Он специально повторил последнюю часть. Дарья из коридора услышала и шагнула к двери.

— Как можно не исключить, если вы только что увидели, что огонь шёл снаружи?

— Я увидел, что короб сильнее нагрет со стороны комнаты.

— Это одно и то же.

— Нет.

— Для вашего отказа, видимо, нет.

Максим поднялся. Колени хрустнули под защитным комбинезоном.

— Для любого вывода нет. Если я сейчас назову удобную вам причину без разборки, она будет стоить столько же, сколько ночной отказ.

Дарья прижала телефон к груди.

— Ночной отказ обвиняет Артёма.

— Поэтому я не собираюсь отвечать второй готовой бумагой.

— У вас всё бумага. У меня брат умер.

— И именно поэтому причина должна пережить проверку.

Юдин молча переставил флажок. Соколова смотрела на Дарью, но не вмешивалась. В коридоре капала вода: редкий звук, почти ровный, как секундная стрелка.

Дарья отступила. Максим снова повернулся к стене и заставил себя осмотреть её с начала. Спор не менял ни ширины светлой полосы, ни положения вилки.

Возле пола он заметил два ряда отверстий от крепления. Когда-то здесь висела полка или стоял второй стеллаж. Нижние отверстия были закопчены внутри, верхние оставались светлыми. Значит, предмет сняли до того, как часть дыма осела на стену, но когда именно — за час, за неделю или во время первых действий пожарных — по одному цвету узнать было нельзя.

— На плане кладовой что стояло здесь? — спросил он.

Лавров ответил слишком быстро:

— Ничего. Помещение передано управляющей компании пустым.

— Я спрашиваю о ночной схеме.

Соколова нашла лист в папке.

— Отмечен деревянный стеллаж, опрокинутый к центру. Второго предмета нет.

— А на фотографиях жильцов до пожара?

— Запросим.

Дарья сказала из коридора:

— Там стоял шкаф Артёма. Серый, узкий. Он держал в нём расходники.

Лавров повернулся к ней.

— У работников не было личных шкафов в общедомовых кладовых.

— Поэтому на двери была его наклейка?

— Какая наклейка?

— Белая, с номером бригады. Я видела её две недели назад.

Максим спросил:

— Вы заходили сюда две недели назад?

— Артём забыл папку. Я привезла ему документы по другой смете. Он спустился за мной, открыл универсальным ключом.

— Что лежало в шкафу?

— Перчатки, хомуты, остатки утеплителя, тетрадь. Я не перебирала.

— Розеткой пользовались?

— В ней был зарядник его старого телефона.

— Постоянно?

— Не знаю.

— Удлинитель видели?

Дарья закрыла глаза на секунду.

— Не помню.

— Это нормальный ответ.

— Не утешайте меня.

— Я не утешаю. Прошу так же отделять память от догадки дальше.

Соколова внесла сведения о шкафе в планшет и попросила Дарью позже дать отдельное объяснение. Лавров достал телефон. Экран вспыхнул именем «Ольга М.», но он сбросил звонок.

Максим прошёл к правой стене. Там лежал рюкзак Артёма. Опрокинутая металлическая полка прижимала его верхний карман, однако основное отделение выглядело закрытым. Оранжевая петля обгорела только с левой стороны. На серой ткани остались брызги белой строительной смеси, а внизу — тёмная мокрая полоса.

Он снял рюкзак общим планом и приблизил молнию. На бегунке висела тонкая красная нитка. Максим ничего не коснулся.

— Дарья, красная нитка была на молнии?

Она подошла до самой ленты, вытянула шею.

— Да. Это от брелока. Сам брелок оторвался ещё летом.

— Нижняя часть рюкзака раньше была испачкана белым?

— У него всё было в пыли. Где именно — не скажу.

— Что должно быть внутри?

Дарья прочитала с телефона свой список. Две рабочих тетради: клетчатая синяя и чёрная на пружине. Папка с нарядами. Запасные перчатки. Зарядка. Мультиметр в оранжевом чехле, хотя электриком Артём не был — прибором он проверял отсутствие напряжения перед работой возле труб и кабелей. Небольшая рулетка. Ключи. Возможно, лекарства от изжоги.

— Рабочий телефон? — спросила Соколова.

— Он носил его в кармане куртки.

— Куртку вам вернули?

— Нет. В больнице сказали, что вещи передали полиции.

Соколова сделала ещё одну запись.

Максим заметил под полкой угол обгоревшей бумаги. На нём сохранилась синяя линия и часть печатного слова: «секц…». Юдин установил рядом флажок, сфотографировал и пинцетом переложил фрагмент в бумажный пакет.

— Это из рюкзака? — спросила Дарья.

— Пока не знаем, — ответила Соколова.

— Он лежит рядом.

— Рядом — это место обнаружения, не происхождение.

Дарья посмотрела на Максима, словно ожидала, что хотя бы он возразит.

— Она права, — сказал он.

— Конечно.

Следующей была стена у технического шкафа. Трубы проходили через перекрытие в круглом отверстии. Вокруг одной сохранилось плотное серое заполнение, вокруг второй зиял неровный зазор. По нижнему краю висели оплавленные клочья, похожие на каменную вату, а с правой стороны на бетоне остался свежий светлый скол.

Максим посветил сбоку. Скол не был закопчён внутри. Его сделали после того, как на стену уже лёг дым, или от него отмыло копоть водой. Он попросил Юдина снять участок до любого прикосновения.

— Это разбили пожарные, — сказал Лавров.

Юдин выпрямился.

— Кто именно?

— Я предполагаю. Чтобы проверить распространение.

— Тогда говорите «предполагаю».

— Хорошо. Предполагаю.

— А до этого вы сказали как факт.

Лавров сжал губы.

Максим осмотрел пол. Вода собралась ближе к шкафу, хотя слив находился у двери. По краю лужи шла бурая кайма. Под ней виднелся след подошвы с поперечными прямоугольниками. Та же вода затекла под остатки стеллажа, но не под металлический ящик у дальней стены: там осталась сухая пыль.

— Пол имеет уклон? — спросил он.

— К трапу, — ответил Лавров.

Максим достал маленький уровень и положил его на чистый пластиковый пакет, не касаясь прибором пола. Пузырёк показал уклон от шкафа к двери.

— Тогда вода пришла отсюда и шла наружу. Это совпадает с тем, что мы видели в коридоре.

— После тушения, — сказал Лавров.

— Возможно. А возможно, часть была раньше. Нужны времена перекрытия стояка, подачи воды и начала тушения.

— Вы повторяете одно и то же.

— Потому что время не появляется от вашего раздражения.

На нижней трубе Максим увидел кольцо сухой рыжей пыли. Выше кольца металл был вымыт, ниже покрыт серой водой. Кто-то открывал соединение или обтирал трубу до того, как помещение залило. Рядом валялась синяя тряпка, но она обгорела по краям и могла принадлежать кому угодно.

Юдин взял с трубы смыв. Максим записал только наблюдение: след промывания и сухое кольцо, происхождение неизвестно.

Осмотр длился уже сорок минут. В маске становилось жарко, хотя помещение оставалось холодным. Максим чувствовал, как пот стекает между лопатками. Он ещё раз вернулся к розетке, теперь глядя не на неё, а на окружающие предметы.

Металлический шкафчик слева нагрелся сильнее со стороны технических труб. Краска на его правой дверце вздулась крупными пузырями, на левой лишь потемнела. Деревянный стеллаж упал от стены к центру; его верхние планки выгорели, нижняя поперечина сохранилась. Наиболее глубокое обугливание находилось не у розетки, а примерно посередине между ней и проходом труб. Там же потолок был покрыт мелкими серыми отслоениями.

Максим попросил Юдина сверить наблюдение.

— Зона сильного теплового воздействия шире, чем точка у розетки, — сказал тот. — Но помещение маленькое, вентиляции почти нет, вещи перемещались при тушении. По рисунку копоти одного очага вам никто добросовестно не назначит.

— Мне достаточно, что розетка не назначается на месте.

— Это можно было сказать до входа, если заключения лаборатории нет.

— Но у моей компании заключение уже появилось.

Юдин посмотрел на распечатанный отказ в прозрачной папке.

— Тогда у вашей компании лаборатория быстрее огня.

Даже Соколова коротко улыбнулась. Лавров не улыбнулся.

Максим продиктовал предварительную запись: «Визуальный осмотр не подтверждает указанную в ранее оформленном отказе причину — короткое замыкание в розетке. Вилка обнаруженного удлинителя на ночной фотографии и при повторном осмотре находится вне розетки; обстоятельства отключения не установлены. Повреждение кабельного короба сильнее со стороны помещения; требуется исследование проводников. Наиболее выраженные тепловые повреждения охватывают участок между дальней стеной и проходом труб и сами по себе не позволяют определить первичный очаг. Окончательный вывод до исследования и сопоставления времени подачи воды не делается».

Он перечитал текст вслух.

— Добавьте, что в кладовой хранились горючие материалы с нарушением правил, — сказал Лавров.

— Перечень предметов будет приложен. Оценку нарушения дадут по документам и режиму помещения.

— Там краска, ковёр, дерево. Что ещё оценивать?

— Влияли ли они на развитие пожара — да. Возник ли пожар из-за самого факта их хранения — нет готового ответа.

— Вы намеренно уходите от очевидного.

— Я намеренно не выдаю одно за другое.

Дарья снова подошла к ленте.

— Запишите, что Артём не монтировал розетку.

— Я не знаю, кто её монтировал.

— У застройщика есть акты. Она была здесь при сдаче дома.

Лавров сказал:

— Проектом розетка не предусмотрена.

— А два месяца назад ваша служба включала в неё насос, — ответила Дарья. — У меня есть фотография.

Все повернулись к ней.

— Какая фотография? — спросила Соколова.

Дарья разблокировала телефон и нашла снимок. На экране Артём стоял возле открытого технического шкафа, придерживая гибкий шланг. На дальней стене виднелась розетка, в неё был включён серый провод. Снимок сделан днём: дверь кладовой открыта, из коридора падает свет. На штампе мессенджера стояла дата за два месяца до пожара.

— Исходный файл есть? — спросила Соколова.

— Он присылал мне, когда жаловался, что откачивают воду бытовым насосом.

— Ничего не пересылайте. После осмотра сделаем копию с данными файла.

Лавров потянулся посмотреть ближе.

— По фотографии невозможно понять, чья это техника и кто подключал.

— Но розетка существовала во время гарантийных работ, — сказал Максим. — Значит, фраза о самовольной линии жильцов требует отдельного подтверждения.

— Я такого не утверждал.

Максим вынул отказ и показал первый абзац.

— Это утверждает документ, который ваша служба получила раньше моего приезда.

— Документ вашей компании.

— А исходные материалы, по вашим словам, дала ваша служба.

Лавров отвёл взгляд к лестнице.

Дарья подняла подбородок. В её лице появилось торжество, и Максим сразу понял, что должен остановить его так же, как останавливал готовое обвинение.

— Фотография не доказывает причину пожара, — сказал он. — Она показывает, что розетка была и ею пользовались при работах. Кто её установил, была ли линия исправна вчера и что произошло вечером — пока открытые вопросы.

— Вы даже когда соглашаетесь, звучите как отказ, — сказала Дарья.

— Потому что вы хотите одним снимком заменить весь осмотр.

— Я хочу, чтобы вы перестали защищать тех, кто уже назначил виноватого.

— Если бы защищал, я бы подписал бумагу и уехал.

— Вы защищаете способ, которым такие бумаги пишут. Всегда оставляете себе дверь назад.

Максим почувствовал, что спор попал точнее, чем ей следовало знать. В страховом деле каждое «возможно» действительно оставляло дверь. Иногда через неё входил новый факт. Иногда через неё компания уходила от выплаты.

— Дверь назад нужна, пока фактов мало, — сказал он. — Но ночной отказ её уже закрыл. Сейчас я открываю.

— Для кого?

— Для проверки. Не для вашей версии и не для версии Лаврова.

Дарья убрала телефон.

— Тогда проверяйте без моих материалов.

Она поднялась по лестнице прежде, чем Соколова успела её остановить. Прозрачный пакет ударял по перилам на каждом повороте.

Максим посмотрел ей вслед, но не пошёл. Если догонит сейчас, это будет похоже на просьбу отдать доказательство страховой компании, которой она не доверяет. Фотографию уже видели Соколова и Юдин; она не исчезнет вместе с Дарьей.

Они закончили общую съёмку в 11:27. Юдин упаковал фрагмент бумаги, смыв с трубы и образец оплавленного материала у прохода. Розетку оставили до исследования с участием электротехника. Рюкзак сфотографировали, но не открыли: Соколова решила изымать его отдельным действием, с описью и уведомлением Дарьи.

Перед выходом Максим ещё раз снял комнату от порога. Без окна, с закрытой дверью и одной лопнувшей лампой она могла часами хранить чужую ошибку в темноте. На видео

помещались розетка, рюкзак и чёрный проход трубы. Ни один предмет не рассказывал всей истории. Зато готовый акт уже рассказал — быстро, гладко и неправильно.

Соколова поставила новую пломбу. Максим расписался рядом со временем. Лавров отказался, сославшись на то, что не входил в помещение. Соколова записала отказ от подписи.

Наверху жильцы разошлись, но возле подъезда ждала Ольга Мезенцева, председатель дома. В руках у неё была толстая папка с прозрачными вкладышами. Она увидела Лаврова и прижала папку к боку.

— Воду когда дадут? — спросила она.

— После разрешения следствия, — ответил он. — Мы готовы хоть сейчас.

— Ночью вы тоже были готовы. Только никто не приехал до пожарных.

Лавров поправил каску.

— Ольга Викторовна, не при людях.

— А где? В вашей приёмной, где меня три недели записывают на завтра?

Соколова попросила её дождаться опроса. Максим показал копию отказа.

— Вам утром передали этот документ?

Мезенцева кивнула.

— Охранник принёс в половине седьмого. Сказал, из управляющей компании велели раздать собственникам кладовых.

— В конверте?

— Нет. Просто листы.

— На них была эта серая полоса по краю?

Она надела очки, посмотрела.

— Была. У нас так сканер в диспетчерской пачкает. Я ещё подумала: быстро они. Человек в реанимации, а виноват уже назначен.

— Кто печатал?

— Диспетчер скажет. Только она сейчас вдруг всё забывает.

Лавров вмешался:

— Документ пришёл из страховой официальным каналом. Управляющая компания обязана была уведомить жильцов.

— В шесть утра? — спросила Мезенцева. — До собрания, до осмотра, до того, как мы ущерб посчитали?

— Чтобы не возникало ложных ожиданий.

Максим запомнил фразу. Не записал — запомнил. Ложные ожидания были словами Нины. Она повторяла их на совещаниях, когда просила не держать высокий резерв по делу, которое «почти наверняка» закончится отказом.

Телефон снова завибрировал. На этот раз пришло сообщение от Нины: «Карточку не трогай. Служба безопасности заблокировала изменения. Возвращайся. Объясню лично».

Почти одновременно система прислала уведомление: доступ к делу ограничен по распоряжению руководителя подразделения.

Максим открыл мобильную карточку. Кнопка добавления осмотра исчезла. История файла всё ещё показывала время 21:13, но скачать её уже было нельзя.

— Что случилось? — спросила Соколова.

Он показал экран.

— Мне закрыли запись в страховое дело сразу после осмотра.

— Ваша камера сохранила файл?

Максим проверил. Запись длилась один час восемь минут и лежала в памяти устройства. Он снял карту, положил в маленький конверт и расписался поперёк клапана. Вторую карту вставил из запасного футляра.

— Сохраню копию по внутренним правилам и передам реквизиты записи вам.

— Не редактируйте оригинал.

— Не буду.

Лавров смотрел на конверт с таким вниманием, будто впервые увидел в Максиме не помеху, а риск.

Дарья стояла у шлагбаума. Она уже убрала пакет в машину, но сама не уехала. Когда Соколова направилась к ней за исходным снимком, Дарья что-то сказала и передала телефон. Максиму она не махнула и не подошла.

Он сел в свою машину, положил прозрачную папку на пассажирское сиденье и включил диктофон. Пока детали не стёрлись, продиктовал положение удлинителя, характер повреждений короба, широкую зону жара, воду у шкафа, сухое кольцо на трубе, светлый скол у прохода, серый шкаф, которого не оказалось на ночной схеме, и фотографию гарантийных работ с включённой розеткой.

Потом сформулировал вывод одним предложением:

— Версия короткого замыкания в самовольно установленной жильцами розетке первичным осмотром не подтверждена; окончательная причина не установлена.

Он прослушал запись и оставил как есть.

На выезде охранник поднял шлагбаум вручную. Над будкой по-прежнему горел зелёный огонёк камеры.

— Архив у вас точно не пишется? — спросил Максим.

Охранник помялся.

— Нам сказали, сервер ещё не приняли. На мониторе всё видно, а назад не отмотать.

— С какого дня?

— Да с заселения. Месяца четыре.

— И жильцам говорили, что записи нет?

— Я не знаю, что им говорили. Мы смотрим вживую. Если драка или машина чужая, звоним старшему.

— Вчера вечером смотрели?

Охранник перевёл взгляд на корпус четыре.

— Вчера монитор гас. Сначала двор, потом все камеры. Минут двадцать, может, больше.

— Во сколько?

— Не помню. До пожарных.

— Это уже сообщали следователю?

— Начальник смены сказал, что сам сообщит.

Максим записал фамилию охранника и попросил ничего не уточнять по общему чату до опроса. Тот нервно усмехнулся.

— А что там уточнять, если записи всё равно нет?

Максим посмотрел на чёрный купол.

— Иногда отсутствие записи тоже случается в точное время.

Он выехал со двора. В зеркале Дарья стояла возле машины, пока Соколова копировала фотографию. Лавров говорил по телефону у подъезда и уже не улыбался.

В офис Максим возвращался не с причиной пожара. У него было меньше удобных ответов, чем утром. Зато теперь он мог доказать хотя бы одно: осмотр состоялся после отказа, а не до него, и та розетка, которую назначили виновной заранее, ещё ничего не признала.

Глава 3. Чёрные камеры

В офис Максим не поехал.

Он остановился у ближайшей заправки, купил воду и сел за столик у окна, откуда были видны машины под навесом. На телефоне оставалось четыре пропущенных от Нины и одно сообщение от службы безопасности: «Явиться в переговорную 3 в 12:30. До выяснения обстоятельств не работать с карточкой убытка СЛ-4817».

Было 12:18. Даже без пробок дорога занимала сорок минут.

Максим позвонил по номеру из сообщения.

— Руднев, — представился мужской голос. — Вы где?

— Завершаю выезд по делу СЛ-4817. Первичный осмотр закончен в одиннадцать двадцать семь. Доступ к карточке закрыли до загрузки материалов.

— Вам направили распоряжение явиться.

— После времени явки. Сообщение пришло в одиннадцать сорок девять с требованием быть в двенадцать тридцать. Я нахожусь в сорока километрах.

— Это не предмет обсуждения.

— Тогда зафиксируйте, что я сообщил местонахождение и еду. Кто запретил мне работать с карточкой?

— Начальник отдела.

— На каком основании?

— Обсудим при встрече.

— Назовите фамилию.

На линии помолчали.

— Зорин, управление внутреннего контроля.

— Виктор Петрович, оригинал записи осмотра сохранён. Копию передам под расписку. До этого прошу не удалять историю файла и исходящий документ.

— Руднев, вы сейчас разговариваете так, будто подозреваете собственную компанию.

— Я разговариваю так, будто в документе стоит моё имя под осмотром, которого не было.

Зорин отключился.

Максим допил воду и посмотрел на чёрный экран телефона. Если ехать в офис, Нина и внутренний контроль получат его вместе с картой памяти, блокнотом и объяснением. Это было правильно по служебному порядку. Но тогда он уже не вернётся в «Северную линию» сегодня, а охранники успеют обсудить провал камер со старшим смены, Лавровым и друг с другом. Воспоминания людей быстро становились общими. Через сутки каждый уверенно помнил то, что первым произнёс самый громкий.

Максим набрал Соколову.

— Я могу задать охране вопросы о системе камер в вашем присутствии?

— Вы уже уехали.

— Я рядом.

— А ваша начальница?

— Ждёт в офисе.

— И вы решили вместо неё выбрать камеры?

— Я решил не опрашивать свидетелей без вас.

Соколова вздохнула.

— Возвращайтесь. Только задаёте технические вопросы. Кто куда ходил и кого видел, спрашиваю я.

Через десять минут Максим снова стоял у шлагбаума. Охранник, который говорил с ним на выезде, исчез. В будке сидел другой — пожилой, с седой щетиной и газетой на коленях.

— Страховая, — сказал Максим. — Где ваш напарник?

— Обедает.

— Как зовут?

— А вам зачем?

Соколова показала удостоверение.

— Затем, что он дежурил вчера. Позовите обоих и старшего смены.

Пожилой охранник сложил газету, взял рацию и сказал в неё слишком тихо. Ответ пришёл треском. На стене будки висел монитор, разделённый на шестнадцать прямоугольников. Двор показывали сразу с нескольких углов: детская площадка, въезд, двери четырёх корпусов, пожарный проезд. На двух прямоугольниках вместо картинки стояла надпись «Нет сигнала». Ещё один показывал пустой технический коридор с зелёным оттенком.

— Это цоколь четвёртого корпуса? — спросил Максим.

— Он самый.

— Вчера картинка оттуда была?

— Я вчера не дежурил.

— Сегодня запись можно отмотать?

— Нельзя. Только смотреть.

— Ни с одной камеры?

— Нам сказали, сервер не подключён.

— Кто сказал?

— Начальство.

— Какое?

Охранник посмотрел на Соколову.

— Наш начальник. Частного охранного предприятия.

Соколова попросила фамилию и номер. Пока он искал контакт в старом кнопочном телефоне, Максим присел возле стойки. Под монитором стоял серый системный блок с синей наклейкой «Видеосервер 2». Вентилятор шумел. Из задней панели выходили два сетевых кабеля, один уходил в стену, другой заканчивался свободным прозрачным штекером.

— Этот блок работает?

— Монитор от него.

— Кто его обслуживает?

— Гарантийщики, наверное.

Максим не стал трогать кабели. Снял общий вид на телефон, включив в кадр дату с экрана монитора.

— Документы на оборудование где?

— В управляющей.

— Журнал смены?

Охранник указал на толстую тетрадь возле электрического чайника. На обложке было написано «ПОСТ № 1». Соколова надела перчатки и открыла последние страницы. Записи шли разными ручками, с сокращениями и ошибками: «08:00 смену принял, замечаний нет», «14:25 курьер 4 к.», «19:10 машина на газоне». Вчерашняя страница заканчивалась строкой «21:38 пропало изображение». Следующая запись: «22:01 изображение восстановлено». Ни подписи вызванного техника, ни причины не было.

— Двадцать три минуты, — сказал Максим.

— Я вижу, — ответила Соколова.

Между строками оставался слишком большой промежуток, будто запись о восстановлении добавили позже. Чернила казались одинаковыми, но это ничего не значило без исследования.

— Кто писал?

Пожилой охранник прочитал подпись.

— Костя. Константин Синицын. Он сейчас обедает.

— А тот, с кем я говорил на выезде?

— Костя и есть.

Соколова сфотографировала разворот, затем предыдущие и следующие страницы. Максим попросил разрешения снять только строки о неисправности для страхового дела. Она позволила, но велела не включать телефоны и адреса жильцов.

— В 21:38 картинка пропала до вызова пожарных, — сказал Максим. — Вернулась в 22:01, через семь минут после вызова.

— Время в журнале могло быть записано приблизительно, — сказала Соколова.

— На мониторе есть часы.

— Часы могли спешить.

— Проверим.

Экран показывал 12:46:51. Телефон Максима — 12:44:08. Разница составляла две минуты сорок три секунды. Он подождал полминуты: расхождение сохранялось.

— Если вчера было так же, записи по времени монитора соответствуют примерно 21:35 и 21:58, — сказал он.

— Если было так же, — повторила Соколова. — Не исправляйте чужую запись в уме.

— Не исправляю. Фиксирую нынешнюю разницу.

Из корпуса охраны вышел Константин Синицын. Без куртки он выглядел моложе, чем утром, — лет тридцать, широкоплечий, с красной полосой на щеке от подушки или сложенного рукава. Увидев Соколову, он перестал жевать.

— Я уже всё начальнику сказал.

— Теперь скажете мне, — ответила она. — Вы вчера записали пропажу изображения?

— Я.

— По каким часам?

— По монитору.

— Почему оставили промежуток между строками?

Синицын посмотрел на тетрадь.

— Не знаю. Так получилось.

— Запись о восстановлении сделали сразу?

— Сразу.

— Кто был с вами на посту?

— Геннадий Степанович. — Он кивнул на пожилого охранника. — Только он обход делал.

Геннадий Степанович нахмурился.

— Я до десяти на второй территории был. Меня сюда после тревоги вызвали.

Синицын быстро сказал:

— Значит, перепутал. Вчера столько народу было.

Соколова закрыла тетрадь.

— Не угадывайте. Вы были один?

— На посту один. Диспетчер управляющей через стенку.

— Что увидели перед отключением?

Синицын посмотрел на Максима.

— А это технический вопрос?

— Это мой, — сказала Соколова. — Отвечайте мне.

— Ничего особенного. Двор, люди. Потом квадраты стали чёрные один за другим.

— Одновременно или один за другим?

— Быстро. Сначала четвёртый корпус, потом въезд, потом остальные.

— Какая камера четвёртого корпуса?

— В цоколе. Я как раз на неё смотрел.

— Почему?

— Там свет мигал.

— Какой свет?

— В коридоре. Камера то светлая, то тёмная.

— Вы кого-то видели?

Синицын провёл языком по губе.

— Человека в рабочей одежде. Каска вроде. Он прошёл к кладовым.

— Лицо?

— Не разглядел.

— Цвет одежды?

— Синий. Или серый. Камера зеленит.

— Время?

— Перед тем как всё погасло. Может, за минуту.

Максим слушал и чувствовал, как слишком удачно складывается рассказ: человек идёт к кладовой, камера гаснет, начинается пожар. Такие свидетельства любят все — полиция, страховая, родственники. Они соединяют пустоты быстрее фактов.

Соколова спросила:

— Утром вы говорили Максиму Рудневу о человеке в каске?

— Нет.

— Почему?

— Он не спрашивал.

— Я спрашивал, что было перед отключением, — сказал Максим.

Синицын пожал плечами.

— Может, не вспомнил тогда.

— А сейчас вспомнили после разговора с начальником?

— При чём тут начальник?

— Вы начали с того, что уже всё ему сказали.

Соколова подняла ладонь, останавливая Максима.

— С кем вы обсуждали человека в каске после смены?

— Ни с кем.

— Ваш телефон.

— На каком основании?

— Пока прошу показать звонки за утро добровольно. Изымать буду по оформленному решению, если понадобится.

Синицын достал телефон. Последние вызовы: «Виктор начальник», «Серёга гарантия», неизвестный номер, жена. Два звонка Серёге гарантии состоялись в 08:17 и 11:52.

— Кто это?

— Сергей из техников.

— Фамилия?

— Лавров, кажется.

— Руководитель гарантийной службы?

— Может быть. Он просил открыть проезд утром.

— А в одиннадцать пятьдесят две?

— Я обедать пошёл, он звонил спросить, не забрали ли журнал.

Синицын замолчал, поняв, что сказал.

Соколова протянула руку к тетради.

— Теперь заберу.

— Мне смену как сдавать?

— Выдам расписку и лист для временных записей.

Максим спросил:

— Сергей Лавров раньше интересовался работой камер?

Синицын посмотрел на следователя, получил кивок.

— Он всё время говорил, что скоро включат архив. Техники приезжали, кабели таскали.

— Когда последний раз?

— На прошлой неделе. Или позапрошлой.

— Кто им открывал серверную?

— Мы открываем. Ключ на посту.

Геннадий Степанович указал на металлический ящик за спиной. На крючках висели бирки: «насосная», «электрощитовая», «слаботочка», «серверная». Крючок под серверной был пуст.

— Ключ где? — спросила Соколова.

Оба охранника посмотрели на пустой крючок.

— У техника, наверное, — сказал Синицын.

— Какого?

— Не знаю. В журнале выдачи должно быть.

Журнал выдачи оказался не журналом, а пачкой листов на зажиме. Дата, номер ключа, фамилия, подпись. Последняя запись по серверной стояла шесть дней назад: «Лавров С. А., гарантийная служба», время 15:20. Графа возврата была пустой.

— Он не техник видеонаблюдения, — сказал Максим.

— У нас он за всё по гарантии отвечает, — возразил Синицын. — Лифты, двери, течи.

— И камеры?

— Если подрядчик не сдал, то гарантия.

Соколова сняла лист и велела никому не звонить. Затем вызвала понятых из управляющей компании и сотрудника, который мог опечатать ящик с ключами. Максим отошёл к монитору.

Картинка с цоколя показывала пустой коридор. Камера висела напротив лестницы и видела дверь кладовой лишь краем кадра. Человек, идущий к ней, повернулся бы спиной. Каска казалась бы светлым пятном, но отличить форму гарантийной службы от десятка других рабочих комплектов было невозможно.

— Можно ли выключить все картинки из серверной? — спросил Максим.

— Я не специалист, — ответил Синицын.

— Что делали, когда они погасли?

— Перезагрузил этот блок.

— Как?

— Кнопкой.

— Сразу?

— Нет. Сначала позвонил старшему.

— Во сколько?

Синицын открыл звонки. Вчерашний исходящий Виктору начальнику — 21:41 по времени телефона. Следом, в 21:43, был вызов на номер, подписанный «Серёга гарантия». Он длился двадцать восемь секунд.

— Вы звонили Лаврову через две минуты после отключения, — сказала Соколова.

— Он сказал звонить при неисправностях дома.

— Что он ответил?

— Что знает, идут работы. Велел не трогать сервер десять минут.

— Почему этого нет в журнале?

— Не записал.

— А потом?

— Потом запах почувствовал. Диспетчер закричала, что дым в четвёртом. Я позвонил старшему ещё раз, побежал туда. Когда вернулся, картинка уже появилась.

— Сама?

— Наверное. Я же не перезагрузил.

— Кто оставался на посту?

— Диспетчер.

Слова «идут работы» Максим записал отдельно. Вчера Лавров утверждал, что приехал после сообщения пожарных. Если Синицын говорил правду, руководитель гарантийной службы знал об отключении камер минимум за десять минут до официального вызова и называл его работами.

Но Синицын мог переносить нынешнее знание во вчерашний разговор. Мог прикрывать собственную ошибку. Мог подгонять время после утреннего звонка Лаврова. Телефон показывал факт вызова, не содержание.

— Запись звонка ведётся? — спросил Максим.

— Обычный мобильный, — ответил Синицын.

— Сообщения были?

— Нет.

Соколова посмотрела экран его телефона и попросила пока не удалять данные. Потом повела всех в диспетчерскую.

За стеной оказалось помещение вдвое больше будки охраны. Три женщины принимали звонки жильцов. На доске висели листы с номерами аварийных служб, графиком отключения воды и объявлением «Видеонаблюдение ведётся круглосуточно». Под объявлением стоял логотип управляющей компании.

— Ведётся, — прочитал Максим. — Не записывается.

Старшая диспетчер Антонина Погодина сняла очки.

— Нам тоже обещали архив. Мы заявки отправляли.

— Покажите.

Она открыла программу обращений. По слову «камеры» нашлось одиннадцать заявок за четыре месяца. Первые касались отсутствия доступа жильцов. Потом появились жалобы: не удалось посмотреть, кто поцарапал машину; не нашли человека, оставившего мусор; камера в лифте не сохранила драку. Каждую заявку закрывали одинаковой фразой: «Система функционирует в режиме онлайн, архив вводится после завершения пусконаладочных работ».

Исполнитель стоял «Гарантийная служба». В последних шести заявках ответственным был Сергей Лавров.

— Он знал, что архива нет, — сказал Максим.

— Об этом знали все, кто получал заявки, — ответила Погодина. — И управляющий, и застройщик.

— Жильцы?

— Тем, кто спрашивал, говорили. Остальные видели камеры и думали, что всё пишется.

— Объявление почему висит?

Она взглянула на лист.

— Оно с заселения.

— Кто напечатал?

— Отдел заселения застройщика.

Соколова попросила выгрузить заявки с историей изменений. Погодина вызвала системного администратора, но тот работал удалённо и обещал приехать вечером. Тогда следователь оформила сохранение данных и запретила закрывать обращения.

— Вчера при отключении камер вы были здесь? — спросила она.

— Да.

— Синицын говорит, вы оставались на посту, когда он пошёл к четвёртому корпусу.

— На его пост я не заходила. У меня звонки шли.

— Он говорит, что после его ухода изображение восстановилось само.

— Возможно. Я не смотрела.

— Кому звонили после сообщения о дыме?

Погодина открыла бумажный журнал аварийных заявок. В 21:47 жилец квартиры 112 сообщил о запахе гари в четвёртом корпусе. В 21:49 диспетчер позвонила дежурному сантехнику Тимуру Валееву. В 21:51 — Лаврову. В 21:54 жилец с цоколя сам вызвал пожарных; отметку внесли позднее со слов караула.

— Почему сначала сантехнику? — спросила Соколова.

— Житель сказал, что дым идёт из технического шкафа и там вода. Тимур был на территории.

— Он пришёл?

— Прибежал раньше пожарных. Перекрыл стояк.

Максим почувствовал, как две линии — вода и камеры — впервые пересеклись по времени.

— В котором часу перекрыл?

— Точно не знаю. Он отчитался в двадцать два ноль восемь, что вода закрыта.

— Отчитался о действии или о времени действия?

— Сказал: «Перекрыл, вызывайте аварийку».

— Значит, не позже 22:08, но мог раньше.

Погодина кивнула.

— Лаврову что сообщили в 21:51?

— Что дым и течь в четвёртом.

— Он удивился?

— Сказал, что уже знает и едет.

В комнате стало тихо, хотя телефоны продолжали мигать.

— Вы уверены в словах? — спросила Соколова.

— Уверена. Я ещё спросила, кто ему сообщил. Он не ответил, отключился.

— Запись разговора?

— Внутренние телефоны пишутся на сервер управляющей компании.

— Этот сервер работает?

Погодина невесело улыбнулась.

— Другой. Слава богу, другой.

Соколова попросила немедленно сохранить файл. Погодина нашла запись по времени и включила через динамик. Сначала слышался её голос: «Сергей Андреевич, четвёртый корпус, цоколь, дым из технической зоны и вода». Потом голос Лаврова, тише: «Я знаю. Уже еду. Ничего там не трогайте, Валеева отправьте перекрыть». Погодина спрашивала: «Кто сообщил?» В ответ раздались шум дороги и короткие гудки.

Максим посмотрел на время файла — 21:51:36. За две минуты до этого, если верить журналу, Лавров уже получил звонок диспетчера? Нет, звонок начался именно здесь. А ещё раньше, в 21:43, ему звонил охранник из-за чёрных экранов. Тогда Лавров сказал, что знает о работах. Получалось, о проблеме с камерами он знал как минимум за восемь минут до официального сообщения о дыме.

И за тридцать минут до созданного страхового отказа?

Максим остановил себя. Отказ создали в 21:13, раньше отключения камер. Значит, если время системы верно, ранний документ возник ещё до слепой зоны и до звонков. Эти события

могли быть связаны, но не в простой последовательности «пожар — отключение — отказ». Кто-то готовил отказ до видимого происшествия, затем камеры погасли, затем пришёл первый звонок о запахе.

— Можно копию записи для страховой проверки? — спросил он.

— После приобщения, — сказала Соколова. — Пока запишите реквизиты.

Дарья появилась в дверях диспетчерской, будто услышала последнюю фразу из коридора.

— А мне копию дадут?

Соколова нахмурилась.

— Кто вас позвал?

— Ольга Викторовна сказала, что вы здесь. Я закончила объяснение и ждала у машины. Потом увидела Лаврова: он забрал кого-то и уехал.

— Кого?

— Мужчину в синей рабочей куртке. Невысокого, в чёрной шапке. Они сели в серый фургон.

— Номер?

Дарья продиктовала. Соколова передала его сотруднику по телефону и велела установить владельца.

Максим спросил:

— Вы раньше видели этого мужчину?

— Может быть. У них все в одинаковых куртках.

— Не пытайтесь вспомнить по просьбе. Если не уверены, так и оставьте.

Дарья посмотрела на него холодно.

— Вы всё ещё здесь? Начальница разрешила?

— Нет.

— Тогда у нас обоих проблемы с границами.

— У меня служебные. У вас границы места происшествия.

— Мои хотя бы не защищают зарплату.

Соколова встала между ними.

— Если закончили мериться причинами, слушайте. Архива нет. Восстановить картинку, которой не записали, невозможно. Есть журнал отключения, звонки и люди. Все показания будут проверяться отдельно. Ни человек в рабочей одежде, ни звонок Лаврову сами по себе не доказывают, кто был в кладовой и что сделал.

— Но доказывают, что Лавров знал раньше диспетчера, — сказала Дарья.

— Доказывают, что охранник звонил ему из-за камер в 21:43, а в 21:51 он сказал, что уже знает о дыме и воде. Откуда знал — выясняем.

— От Артёма мог знать, — сказала Дарья. — Брат мог ему позвонить.

— Рабочий телефон брата пока не найден.

— Личный у вас.

— В личном исходящего Лаврову нет.

Дарья закусила губу.

Максим спросил:

— Когда Артём обычно сообщал о дефектах: звонком, в чате или через наряд?

— Сначала в рабочем чате. Если игнорировали, звонил. В последние дни он перестал писать в общий чат, говорил, что сообщения исчезают.

— У вас сохранились снимки экрана?

— Нет. Он обещал показать журнал.

— Тот, которого нет в рюкзаке по списку?

— Рюкзак ещё не открывали.

— Верно.

Дарья посмотрела на него с раздражением, но промолчала.

Из управляющей компании принесли папку с договором на систему наблюдения. По акту оборудование смонтировали три месяца назад. В строке «архивное хранение тридцать суток» стояла галочка. Ниже заказчик принял работы без замечаний. Подпись принадлежала заместителю управляющего, а со стороны подрядчика — фирме «Вектор-СБ». Отдельным листом шёл перечень незавершённых работ: настройка удалённого доступа, обучение персонала, маркировка кабелей. Про отсутствие накопителей или сервера не было ни слова.

— Значит, архив должен быть, — сказала Дарья.

— По акту — должен, — ответил Максим. — Фактически охрана его ни разу не видела.

— Может, он есть в серверной.

Соколова посмотрела на пустой крючок и журнал выдачи ключей.

— Сейчас узнаем.

Серверная находилась в первом корпусе, в комнате без окон рядом с узлом связи. Дверь была закрыта. Запасного ключа управляющая не нашла. Соколова вызвала представителя подрядчика и запретила вскрывать замок до его приезда. Тот обещал быть через час.

Максим посмотрел на часы. В офисе его ждали уже больше двух часов. На телефоне появилось новое сообщение: «Приказом № 77-к вы отстранены от выездов до предоставления объяснений». Файл приказа не открывался без внутренней сети.

Он показал сообщение Соколовой.

— Теперь вы не можете участвовать в осмотре серверной как представитель страховой, — сказала она.

— Я могу остаться свидетелем?

— Нет. Вы уже вовлечены в спор о документе и собираете материалы для своей компании. Езжайте разбираться. Результат получите официально, если он относится к делу.

— Они могут забрать у меня оборудование.

— Оригинал записи вы обязаны сохранить, но внутренний порядок вашей компании я не регулирую. Сделайте опись передачи. Никаких копий по карманам.

Максим кивнул. Это было разумно, и именно поэтому хотелось спорить.

Дарья вышла за ним во двор.

— Вы правда отдаёте запись тем, кто закрыл вам доступ?

— Под расписку. С контрольной суммой файла и копией следователю.

— Что ещё за сумма?

— Короткий цифровой отпечаток. Если файл изменят, отпечаток не совпадёт.

— А если удалят?

— У следователя будет копия.

— Вы всё предусмотрели, кроме того, что ваша начальница уже подписала ложь.

Максим остановился у машины.

— Именно это я предусмотрел утром, когда сохранил историю.

— Но всё равно едете к ней.

— Я работаю там. Пока.

— Артём тоже работал у Лаврова. Всё ждал, что правильная бумага заставит их исправить проходки. — Дарья посмотрела на чёрные купола над двором. — Они даже камеры приняли по акту. Галочка есть, записи нет. Теперь вы будете искать ещё одну галочку?

— Буду искать, кто подписал акт и что стояло в серверной. Потому что без этого останется только ваш гнев и рассказ охранника о каске.

— Рассказ вам не нравится, потому что каска ведёт к застройщику?

— Он мне не нравится, потому что появился после двух звонков Лаврову. Если Синицын повторит чужие слова как свои, хороший адвокат разберёт его за десять минут.

— Значит, ему нельзя верить.

— Значит, надо проверить, что он мог видеть с этой камеры и что говорил до разговоров с Лавровым. Не превращайте осторожность в предательство каждый раз, когда она мешает вам обвинить удобного человека.

Дарья шагнула ближе.

— Удобного? Моего брата уже сделали удобным виноватым. Мёртвым подрядчиком, который сам полез к чужой розетке. Я хотя бы обвиняю живого человека, который может ответить.

— Ответить — не значит быть виновным во всём.

— А вы боитесь, что если назовёте хоть одного виноватого, придётся назвать и Нину.

Максим открыл дверь машины, но не сел.

— Нина подписала ложный отказ. Это факт. Причастна ли она к тому, что случилось в кладовой, — другой вопрос.

— Для вас всё другой вопрос.

— Потому что разные поступки требуют разных ответов.

Дарья отвернулась первой.

— Езжайте. Вдруг повышение ещё можно спасти.

— После сегодняшнего — вряд ли.

— Тогда зачем?

Максим посмотрел на конверт с картой памяти.

— Чтобы они не смогли сказать, что я исчез с материалами, когда увидел неудобный результат.

Он сел в машину. Дарья осталась на парковке, скрестив руки. В зеркале за её спиной чернели полусферы камер — одинаковые, молчаливые, убедительные для любого, кто не пытался отмотать запись назад.

По дороге Максим надиктовал ещё одну заметку. Архив системы не подтверждён. Журнал поста фиксирует отключение изображения с 21:38 до 22:01 по часам монитора, которые сегодня спешат на две минуты сорок три секунды. Охранник Синицын заявил о человеке в рабочей одежде перед отключением, однако утром этого не сообщал и дважды созванивался с Лавровым. Ключ от серверной выдан Лаврову шесть дней назад и не отмечен возвращённым. В 21:43 Синицын звонил Лаврову; по словам охранника, тот велел не трогать сервер, потому что «идут работы». Запись диспетчерской в 21:51 сохранила слова Лаврова: «Я знаю. Уже еду» — до официального сообщения пожарных. Отказ страховой создан ещё раньше, в 21:13.

Три времени лежали перед ним, как предметы на столе: 21:13, 21:43, 21:51. Между ними не было пока ни причины, ни человека. Только знание, которое появлялось у нужных людей раньше, чем событие становилось официальным.

У въезда на шоссе Максим получил сообщение от Соколовой: «Подрядчик прибыл. В серверной накопители отсутствуют. Стойка запитана, регистратор без дисков. Следы недавнего изъятия визуально не установлены. Будет экспертиза».

Он перечитал дважды.

Чёрные камеры ничего не забыли. Им с самого начала было нечем помнить.

Глава 4. Вода выше огня

В переговорной номер три не было окон, зато была камера под потолком.

Максим заметил её сразу и едва не рассмеялся. Здесь запись наверняка велась. Внутренний контроль не полагался на чёрные полусферы ради одного спокойствия сотрудников.

На столе лежали опись, чистый лист для объяснения и прозрачный пакет с картой памяти. Виктор Зорин дважды сверил номер карты, вписал его в акт и подвинул ручку Максиму.

— Пароль от файла?

— На отдельном листе после того, как вы укажете, кто получил оригинал и где будет храниться копия.

— Вы отстранены, Руднев. Не руководите передачей.

— Я не руковожу. Я не хочу через неделю узнать, что принёс пустую карту.

Нина сидела напротив, сцепив пальцы. Она не перебивала, и это было хуже её обычной резкости. Рядом с ней лежала распечатка раннего отказа. В строке о проведённом Максимом осмотре жёлтым маркером было выделено его имя.

Зорин дописал место хранения и расписался. Максим поставил карту на ребро, продиктовал цифровой отпечаток файла и только потом передал пароль.

— Теперь объяснение, — сказал Зорин. — Почему после прямого распоряжения вы вернулись на объект?

— Потому что распоряжение пришло после завершения осмотра и содержало время явки, физически невозможное с учётом дороги. До получения приказа об отстранении я проверил обстоятельства, влияющие на страховой случай.

— Какие именно?

— Неработающий архив камер, журнал отключения живого изображения, выдачу ключа от серверной, звонок руководителю гарантийной службы и время первого сообщения о воде.

Нина подняла глаза.

— При чём здесь вода?

— Она была у технического шкафа до прибытия пожарных.

— Там пожар тушили. Вода после пожара никого не удивляет.

— Первый жилец сообщил диспетчеру одновременно о дыме и воде в двадцать один сорок семь. Пожарных вызвали в двадцать один пятьдесят четыре.

Нина потянула к себе распечатку, хотя этих времён на ней не было.

— И что это меняет?

— Порядок событий. В отказе написано, что водой залило место после тушения и поэтому определить первичный очаг невозможно. Эта фраза появилась в документе в двадцать один тринадцать.

Зорин перестал листать опись.

— Вы уверены во времени звонка?

— Я видел бумажный журнал и карточку диспетчерской. Запись разговора сохранена следователем. Копии у меня нет.

— У вас вообще не должно быть копий материалов следствия, — быстро сказала Нина.

— Поэтому у меня их нет.

Он написал объяснение от руки, без прилагательных. Закончил фразой: «Прошу сохранить историю создания, изменения и отправки документа, а также сведения обо всех пользователях, открывавших карточку до 21:54». Зорин прочитал, попросил убрать слово «всех», потом передумал и оставил.

— До окончания проверки вы не представляете компанию на объекте, — сказал он. — Не запрашиваете документы от имени страховщика, не общаетесь со страхователем и застройщиком, не используете служебную систему.

— Могу отвечать следователю, если меня вызовут?

— Обязаны. С уведомлением юридического отдела.

— Могу дать пояснение о собственном осмотре?

— В рамках вызова.

Максим посмотрел на Нину.

— А внутреннюю проверку раннего отказа кто ведёт?

— Не вы, — ответила она.

— Это я понял.

— Тогда не изображай единственного честного человека в комнате. Заготовки делают все отделы. В карточку подтянулся шаблон, который не должен был уйти наружу.

— В шаблон подтянулось моё имя и вывод о воде после тушения.

— Мы это выясняем.

— Нет, Нина. Вы выясняете, почему я не приехал вовремя отдать карту. Кто и откуда знал про воду, вы даже не спросили.

Зорин выключил лежавший перед ним диктофон.

— Разговор закончен.

В коридоре Максим включил телефон. За время беседы пришло сообщение Соколовой: «Завтра 08:30, УК. Нужны пояснения по следам у стояка. Статус — свидетель. Юротдел уведомите».

Он переслал вызов Зорину и получил короткое «Принято». Затем позвонил матери.

Она ответила не сразу.

— Максим, ты опять днём? Что случилось?

— Ничего. Хотел спросить, квитанция за квартиру пришла?

— Пришла. Ты же настроил оплату.

— Настроил.

— Тогда зачем спрашиваешь?

На этот вопрос у него не было ответа, который не встревожил бы её. Пока работа оставалась работой, ипотека была цифрой в приложении. После фразы «вы отстранены» пустующая материнская квартира снова стала четырьмя стенами, за которые он отвечал каждый месяц.

— Проверяю, — сказал он.

— Ты всё проверяешь. Лучше бы приехал и кран на кухне проверил. Он опять капает.

— В субботу приеду.

— В прошлую субботу ты тоже приезжал будущей.

Он пообещал ещё раз и убрал телефон. Слово «вода» преследовало его даже здесь, но материнский кран хотя бы честно капал сверху вниз.

Утром у четвёртого корпуса стоял жёлтый фургон аварийной службы. На его борту была нарисована синяя капля, похожая на перевёрнутое пламя. Максим предъявил Соколовой копию уведомления юридическому отделу.

— Сегодня вы не страховая, — сказала она. — Показываете только то, что видели вчера. Ничего не разбираете и никому не поручаете.

— Понял.

— Валеев внутри. Сначала послушаем его отдельно.

Тимур Валеев оказался худым мужчиной в рабочей куртке на размер больше. На правой ладони у него темнела свежая ссадина. Он сидел в диспетчерской, держал бумажный стакан двумя руками и смотрел не на Соколову, а на дверь.

— Я уже ночью всё объяснил, — сказал он.

— Ночью вы сказали, что перекрыли стояк, — ответила Соколова. — Теперь нужно понять когда, какой и почему.

— Четвёртый корпус, холодная вода. Потому что диспетчер позвонила.

— Где вы были в двадцать один сорок девять?

— В третьем корпусе, на двадцать втором. Там полотенцесушитель не грел.

— Кто вас видел?

— Хозяйка. И заявка закрыта с телефона.

Погодина открыла рабочую программу. Заявка из третьего корпуса была начата в 21:16. В 21:44 Тимур приложил фотографию узла в квартире, в 21:46 поставил отметку «выполнено». Координаты приложение не сохраняло, но на снимке были видны номер на двери и часы духовки — 21:43.

— Потом? — спросила Соколова.

— Лифт долго ехал. Внизу уже звонок от Галины. Она сказала: в четвёртом вода и пахнет проводкой. Я побежал через двор.

— Не «дым»?

— Сначала сказала «пахнет проводкой». Потом, пока бежал, перезвонила: дым.

— В журнале один звонок.

Погодина покраснела.

— Второй был с моего мобильного. Рабочая трубка занята жильцом.

Соколова записала номер и попросила показать вызов. На экране стояло 21:52, длительность одиннадцать секунд.

— Когда вошли в цоколь? — спросила она Тимура.

— Не знаю. Без пяти десять, может. Там уже орали.

— Кто?

— Мужик из сто двенадцатой и охранник. Мужик держал дверь, охранник бегал за огнетушителем. Дым шёл из кладовой, вода — из-под технической двери.

— Огонь видели?

— Через дверь кладовой отблеск. Внутрь не полез. Сначала воду закрывать надо было.

Максим спросил с разрешения Соколовой:

— Почему сначала воду, если рядом пожар?

— Потому что вода лилась к электрощитовой. Там порог низкий. Если дойдёт — весь цоколь сядет, а кто полезет рубильник выключать по воде?

— Вода текла сильно?

— Не фонтан. По полу ручьём. Но уже до коридора дошла.

— Откуда именно?

Тимур взял чистый лист и нарисовал стену, две вертикальные трубы и горизонтальный отвод. На рисунке получился детский трезубец.

— Сверху по гильзе. Вот здесь труба проходит перекрытие. Вода не из соединения била, а стекала вокруг.

— Значит, пришла с этажа выше?

— Или из пустоты между этажами. Я не рентген. Но выше запорного крана всё мокрое было, ниже — тоже, потому что стекло.

— Какой кран перекрыли?

— Секционный в шкафу. Он холодную воду на эту линию закрывает.

— После этого течь прекратилась?

Тимур помедлил.

— Стала меньше. Не сразу. Со стены ещё текло.

— Сколько?

— Минут пять. Может, семь.

— Тогда почему диспетчеру сказали «перекрыл, вызывайте аварийку» только в 22:08?

— Потому что сначала кран не пошёл. Ручка снята была.

Погодина резко повернулась к нему.

— Ты ночью этого не говорил.

— Говорил, что ключ искал.

— Какой ключ?

Тимур расстегнул сумку и достал стальной квадрат с короткой перекладиной.

— Съёмная ручка. На шкафах их воруют или прячут, чтобы жильцы не крутили. Обычно висит внутри. Вчера не было. Я своим ключом открыл соседний шкаф, снял ручку там, вернулся. Пока бегал, дым уже плотный стал.

Соколова спросила:

— Кто мог снять ручку?

— Кто угодно с ключом от технических шкафов. Управляющая, гарантия, подрядчики.

— У вас универсальный ключ?

— От наших замков.

— Покажите.

На связке Тимура висели два плоских ключа, магнитная таблетка и маленький разводной ключ. Соколова сфотографировала связку и уточнила, какие двери открывает каждый. Дверь кладовой ни один не открывал.

— Вы спорили с Артёмом Кругловым в день пожара? — спросила она.

Тимур поставил стакан.

— Кто сказал?

— Вопрос задаю я.

— Спорил. Он полез в шкаф без заявки и воду мне закрыл в третьем подъезде. Я приехал, жильцы ругаются, а он с телефоном снимает проходку.

— Когда это было?

— Днём. Часа в четыре.

— О чём спорили?

— Я сказал: хочешь снимать — снимай, только воду верни. Он сказал, что если вернёт, там опять потечёт. Я ответил, что у него не течь, а голова. Обычный разговор.

— Он показывал дефект?

— Дыру вокруг трубы. Пена выкрошилась. Он говорил, там должна быть какая-то огневая штука. Я в пожарных штуках не разбираюсь. Моё дело, чтобы труба не текла.

Максим почувствовал, как Соколова посмотрела на него, но не повернул головы. Пока это было только подтверждение дневного осмотра Артёма. Не объяснение ни пожара, ни ночной воды.

— В каком месте? — спросила следователь.

— В четвёртом корпусе. Только не здесь, а этажом выше. Такой же стояк.

— После спора вы виделись?

— Нет.

— Лаврову сообщили?

— Что Артём опять лезет не в своё дело. Сергей Андреевич сказал, сам разберётся.

— Во сколько?

— Сразу после. В переписке есть.

Сообщение ушло в 16:18. Ответ Лаврова состоял из трёх слов: «Не трогай. Я решу».

Соколова попросила Тимура остаться в диспетчерской и повела Максима в цоколь. У технической зоны уже ждали Юдин и мастер аварийной службы. Дверь шкафа была опечатана лентой. На полу лежали бумажные метки с номерами. Вчерашняя вода высохла, но оставила серую кайму, огибавшую ножку стеллажа.

— Показывайте, что видели при первом осмотре, — сказала Соколова.

Максим встал у порога.

— Вода была здесь, под нижней петлёй, и тянулась к кладовой. У трубы — мокрый след сверху вниз. На пыли вокруг основания оставалось сухое кольцо. Я не касался ни трубы, ни заполнения прохода.

Юдин открыл вчерашнюю фототаблицу. На общем снимке вода блестела широкой полосой. На крупном — вокруг вертикальной трубы действительно шёл сухой ободок шириной примерно в палец.

— Почему это важно? — спросила Соколова.

— Если бы вода поднялась от пола при тушении, пыль у трубы намокла бы снизу. Здесь поток шёл сверху по одной стороне, перескочил через выступ и попал на пол дальше от основания. Поэтому рядом с трубой сохранилась сухая пыль.

Мастер аварийной службы присел, не заходя за ленту.

— Похоже. Но после высыхания край мог обмануть.

— Поэтому я говорю о вчерашнем снимке, — ответил Максим. — Сегодня по одному пятну вывод делать нельзя.

Юдин показал другой кадр. Светлый потёк начинался выше крана и терялся у потолка.

— Пожарные воду сюда подавали? — спросила Соколова.

— Первый ствол — в кладовую, — сказал Юдин. — В шкаф не лили. После проливки могли попасть в коридор, но это уже после локализации. Время на нагрудной камере есть.

— Камера работала?

— У нас — да.

Он сказал это без улыбки. По записи первого звена в 22:01:18 пожарный вошёл в коридор. Вода к тому времени уже отражала свет фонаря. Ствол ещё не открывали: пожарный тянул сухой рукав и просил отключить питание.

Соколова остановила кадр.

— Значит, вода точно была до подачи пожарного ствола.

— Да, — ответил Юдин. — Но откуда взялась, запись не показывает.

Мастер попросил разрешения снять панель только после оформления. Когда ленту разрезали, он открутил четыре винта и положил их в подписанный пакет. За панелью открылись две трубы. На холодной белела свежая царапина возле хомута. Выше, у перекрытия, серое заполнение прохода было выщерблено с одной стороны.

— Давление сейчас есть? — спросил он.

— Линию ночью опрессовали, держит, — сказал Тимур из коридора. Соколова разрешила ему подойти. — Утечки на трубе нет.

— А вчера?

— После открытия тоже не было. Поэтому аварийку и вызвали — искать сверху.

Мастер провёл фонарём вдоль трубы.

— Здесь не авария трубы. Вода пришла по проходу. Надо вскрывать шкаф на первом этаже и смотреть слив.

— Какой слив? — спросила Соколова.

— В гарантийных работах стояк иногда сбрасывают через нижнюю точку. Если наверху меняли участок или арматуру, вода могла уйти в шахту. Но нормальный слив должен идти в шланг, а не по перекрытию.

— Можно установить время?

— По пятну — нет. По заявкам, перекрытиям и объёму — приблизительно. Если знать, сколько вытекло.

Максим посмотрел на серую кайму. Она занимала несколько квадратных метров, но часть воды могла уйти под стеллаж и в шов пола. Любая цифра получилась бы красивой и бесполезной.

— Не надо считать лужу как мерный стакан, — сказал он. — Неровный пол, испарение от пожара, часть затоптали.

— Наконец-то страховая отговаривает от расчёта ущерба, — заметил Юдин.

— Сегодня я не страховая.

Дарья стояла за ограждением в конце коридора. Максим не слышал, как она подошла. В руках у неё был прозрачный файл с бумагами.

— Тимур слил воду, чтобы смыть следы? — спросила она.

Соколова даже не повернулась.

— Вы не должны быть здесь.

— Я пришла передать наряды Артёма. Ольга Викторовна впустила.

— Передадите наверху.

Дарья посмотрела на открытую панель.

— Он днём ругался с Тимуром именно из-за этого стояка.

— Из-за такого же этажом выше, — сказал Максим. — Не из-за этого шкафа.

— Откуда вы знаете?

— Он только что дал показания.

— И вы поверили.

— Я услышал. Это не одно и то же.

Дарья сжала файл так, что край бумаги согнулся.

— В наряде Артёма написано: «проверка проходов по вертикали». Если дефект наверху, он идёт сюда же.

— Может идти, — сказал Максим. — Но вода до тушения пока доказывает только воду до тушения. Не того, кто её пустил и зачем.

— Удобно. Каждый факт у вас ничего не доказывает.

— Один факт редко доказывает человека. Зато несколько фактов могут доказать порядок. Сначала появилась вода. Потом жители увидели дым. Потом вызвали пожарных. Значит, фраза в отказе про воду от тушения ложная.

— А пожар начался после воды?

Максим посмотрел на Юдина.

— Этого мы пока не знаем. Дым могли заметить позже начала горения.

— Значит, и порядок не знаете.

— Знаем границы. Вода была не позже 21:47. Видимое горение существовало не позже момента, когда Тимур подбежал к цоколю. Пожарная вода появилась после 22:01. Между этими точками есть неизвестное, но прежняя версия уже не помещается.

Дарья хотела ответить, однако Соколова забрала у неё файл и велела ждать в диспетчерской.

Осмотр продолжался ещё два часа. На первом этаже нашли второй шкаф. Внутри лежал короткий мокрый шланг, свёрнутый под трубами, хотя сливной штуцер был сухим. На дверце сохранились разводы от грязных пальцев. Мастер не стал утверждать, когда шланг использовали. Соколова изъяла его и смывы, Юдин отметил, что запах гари внутри шкафа слабее, чем в цоколе.

В журнале заявок обнаружилась строка, которой утром не было в распечатке Погодиной: в 20:58 Лавров открыл внутреннюю заявку «проверка шума стояка, корпус 4». Исполнителем значился Артём Круглов. В 21:06 статус сменили на «в работе», а в 22:19 — на «отменена: доступ не предоставлен».

— Артём мог прийти сюда по заявке, — сказала Соколова.

— Мог, — ответил Максим. — Кто поставил статус «в работе»?

Погодина вызвала системного администратора по громкой связи. Тот проверил историю и сообщил: заявку открыл пользователь Лаврова, статус изменили с планшета гарантийной службы. Какой сотрудник держал планшет, система не различала.

— А отменил кто? — спросила Соколова.

— Тот же пользователь, но с офисного компьютера.

— В двадцать два девятнадцать Лавров был на объекте, — сказала Погодина. — Он приехал ещё до пожарных.

Максим вспомнил голос в записи: «Я знаю. Уже еду». Если Лавров открыл заявку в 20:58, его раннее знание получало простое объяснение: он сам направил Артёма к стояку. Простое — не значит невиновное, но теперь звонок переставал быть чудесным признанием.

— Эта заявка объясняет, откуда он мог знать о работах, когда охранник позвонил из-за камер, — сказал Максим.

Дарья, стоявшая у стены, резко спросила:

— И оправдывает его?

— Нет. Она связывает Лаврова, Артёма и стояк до пожара. И ставит новый вопрос: был ли реальный шум, кто его сообщил и почему заявка появилась в двадцать пять минут десятого.

Погодина поискала первичное обращение. Его не было. Внутреннюю заявку Лавров создал сам, без звонка жильца.

— Тогда он вызвал Артёма сюда, — сказала Дарья.

— Система показывает, что он создал заявку на Артёма, — поправила Соколова. — Получил ли Артём её и пришёл ли именно поэтому, установим отдельно.

Тимур попросил показать время. Он смотрел на экран, шевеля губами.

— В девять я ещё был в третьем корпусе. Артёма не видел.

— А ручка из шкафа могла уже отсутствовать? — спросила Соколова.

— Могла. Я туда неделю не лазил.

— Почему свежая царапина на трубе?

— Ключом задел, когда тянулся к крану. Я же сказал, темно было.

Ссадина на его ладони совпадала с рассказом лучше, чем хотелось Дарье, но не доказывала его целиком. Соколова назначила отдельную проверку ключей и отпустила Тимура после подписания показаний.

Максим вышел во двор последним. Дождя не было, а асфальт блестел после утренней мойки. У жёлтого фургона Дарья догнала его.

— Вы каждый раз находите для них безопасное объяснение.

— Для кого — для них?

— Для Лаврова, Тимура, своей Нины. Камеры не записывали — недоделка. Вода текла — работы. Акт написали заранее — шаблон.

— Безопасное объяснение нужно проверять первым.

— Почему?

— Потому что если оно выдержит проверку, обвинение было ошибкой. А если не выдержит, у нас останется не подозрение, а место, где оно сломалось.

— И где сломалось сейчас?

Максим загнул пальцы.

— Лавров создал заявку без обращения жильца. Отправил её Артёму. До официального сообщения о пожаре знал, что в технической зоне идут работы. После гибели Артёма отменил заявку как будто доступа не было. Вода пришла по проходу сверху до тушения, а в готовом отказе заранее написано обратное.

— Этого мало?

— Для вопросов — достаточно. Для ответа, кто открыл воду и кто устроил пожар, — нет.

— Вы всё равно говорите «устроил». Значит, тоже не верите в случайность.

— Я перечислил два разных действия. Не соединяйте их раньше следов.

Дарья отвернулась к корпусу. Над входом висела камера. Днём её чёрный купол отражал серое небо.

— Артём боялся не огня, — сказала она тише. — Он говорил, если пустить воду по этим шахтам, дефект покажет себя сразу во всём доме. Я думала, он преувеличивает.

— Когда говорил?

— Три дня назад. Мы ужинали у меня. Он злился, что Лавров требует закрывать наряды по фотографиям. Сказал: «Они дождутся, пока вода пойдёт выше огня».

Максим посмотрел на неё.

— Именно так?

— Именно.

— Вы раньше это кому-нибудь сообщали?

— Нет. Не понимала, что значит.

— Теперь понимаете?

— Думаю, да.

— Это разные вещи.

Она коротко усмехнулась.

— Даже сейчас.

— Особенно сейчас. Запишите слова так, как помните, отдельно от того, что увидели сегодня. И отдайте Соколовой.

— Чтобы хороший адвокат не разобрал меня за десять минут?

— Чтобы вы сами через неделю не вспомнили вместо слов Артёма наш сегодняшний разговор.

Дарья достала телефон, но Максим остановил её.

— Лучше от руки. С датой и местом. Телефон у вас потом могут изъять.

Она ушла обратно в управляющую компанию.

Максим сел в машину и открыл блокнот. Служебной карточки у него больше не было, поэтому он записал только то, что вправе был сохранить как свидетель: воду видел первый жилец до вызова пожарных; нагрудная камера показала её до подачи ствола; поток пришёл сверху по проходу трубы; после перекрытия стояка вода уменьшалась несколько минут; линия под давлением утечку не показала; Лавров создал внутреннюю заявку на Артёма в 20:58 без обращения жильца; после пожара отменил её с причиной «доступ не предоставлен».

В конце он провёл черту и написал отдельно: «Не установлено: кто и зачем пустил воду; связано ли это с началом горения; видел ли Артём заявку; кто снял ручку крана».

За эту черту хотелось перескочить. Там уже складывалась история: Лавров вызывает Артёма, вода показывает дефект, камеры гаснут, огонь уничтожает кладовую. История была стройной, а значит, опасной. Ранний отказ тоже был стройным. Розетка, самовольная проводка, вода после тушения — в нём всё уже стояло на своих местах, кроме времени и правды.

Максим закрыл блокнот.

Теперь у него было не объяснение пожара. Только доказательство того, что готовое объяснение написали для другого порядка событий.

Глава 5. Сестра против акта

Дарья принесла сообщение брата распечатанным на трёх листах.

Оригинал помещался на одном экране, но она увеличила каждую строку, добавила снимок номера и справку оператора о принадлежности телефона. Бумаги лежали перед Соколовой аккуратной стопкой, будто толщина могла сделать их убедительнее.

— Это пришло мне в двадцать один ноль девять, — сказала Дарья. — За четыре минуты до вашего отказа.

Максим стоял у окна диспетчерской. Формально его вызвали как свидетеля для уточнения времени, однако Дарья настояла, чтобы сообщение показали при нём. Соколова согласилась только потому, что оно касалось страхового вывода, сделанного от его имени.

На снимке была короткая переписка.

Артём: «Нашёл проход без муфты. Лавров вызвал вниз. Если опять велит закрыть фото, отправлю всё заказчику».

Дарья: «Не лезь один. Позвони мне».

Артём: «Сначала закончу».

Последнее сообщение отмечено 21:11. Ответа после него не было.

— Телефон покажите, — сказала Соколова.

Дарья положила его рядом.

— Я ничего не удаляла.

— Резервная копия включена?

— Не знаю.

Соколова вызвала специалиста и запретила открывать переписку до оформления добровольной выдачи. Дарья подписала бланк, не читая.

— Читайте, — сказал Максим.

— Я знаю, что отдаю.

— Вы подписываете не содержание телефона, а способ передачи. Потом будете спорить из-за одного слова.

Она посмотрела на него, но всё же прочла. В бланке действительно стояло «мобильное устройство с неизвестным содержимым». Дарья потребовала добавить модель, серийный номер, номер карты и название переписки. Соколова молча внесла всё от руки.

— Теперь достаточно? — спросила Дарья.

— Для изъятия — да, — ответила следователь. — Для вывода — нет.

— Он написал, что Лавров вызвал его вниз. В системе есть заявка Лаврова. Артём погиб внизу. Что ещё вам нужно?

— Установить, что сообщение отправил Артём, что время телефона верно, что под «вниз» он имел в виду эту кладовую и что найденный проход относится к месту происшествия.

— Его номер, его манера, его фотография.

— Я не сказала, что сообщение ложное.

— Тогда скажите, что он погиб на работе.

Соколова отодвинула бумаги.

— Это не уголовно-правовой вывод. Его будут делать работодатель, инспекция и суд, если возникнет спор.

Дарья повернулась к Максиму.

— А страховая может?

Он подошёл к столу, но не сел.

— Страховая должна проверить, выполнял ли он рабочее задание, и отдельно — что стало причиной смерти и входит ли событие в покрытие.

— Выполнял. Вот задание.

— Внутренняя заявка назначена на него. Сообщение подтверждает, что он её, вероятно, видел и пошёл вниз по вызову Лаврова.

— Не «вероятно». Он написал.

— Пока специалист не подтвердил источник, я не уберу это слово.

Дарья резко встала.

— Ваш акт не ждал специалиста. Он уже решил, что Артём полез к самовольной проводке жильцов. Там ни одного «вероятно».

— Поэтому акт нельзя считать результатом осмотра.

— Нельзя считать? Его отправили!

Максим посмотрел на Нину Корнееву, вошедшую в диспетчерскую вместе с юристом компании. Она была в том же сером костюме, что вчера, только волосы собрала туже.

— Именно это мы сейчас проверяем, — сказала Нина.

Дарья медленно повернулась к ней.

— Вы Корнеева?

— Да.

— Та, которая подписала отказ до смерти моего брата?

— Документ создан до поступления официального уведомления. Его отправка и содержание являются предметом внутренней проверки.

— Вы так разговариваете, когда боитесь назвать время?

Юрист шагнул вперёд.

— Нина Павловна прибыла для участия в следственном действии, а не для обсуждения требований потерпевшей стороны.

— Я ещё не потерпевшая сторона? — спросила Дарья. — Тогда кто я по вашему акту? Родственница виновника?

Соколова закрыла дверь.

— Здесь никто не даёт интервью и не ведёт переговоры о выплате. Корнеева, садитесь. Представьтесь под запись. Остальные не перебивают.

Нину вызвали из-за раннего документа и времени его создания. Максим должен был подтвердить, что осмотра до 21:13 не проводил и никакого заключения не давал. Он повторил это в третий раз за два дня.

— Кто подготовил текст? — спросила Соколова у Нины.

— Я открыла шаблон предварительного решения.

— На основании чего?

— Сергей Лавров сообщил о возможном повреждении имущества жильцами и попросил заранее проверить исключения из договора.

— Когда сообщил?

— Около девяти вечера.

— Точнее.

Нина открыла календарь в телефоне.

— Вызов в 20:47, две минуты двенадцать секунд.

— Что сказал?

— В кладовой обнаружили самовольное подключение и нарушение правил хранения. Возможна заявка на крупный ущерб. Просил не затягивать.

— О пожаре говорил?

— Нет.

— О погибшем?

— Нет.

— О воде?

Нина помолчала.

— Сказал, что техническую зону заливало после работ жильцов.

Максим почувствовал, как все в комнате одновременно перестали двигаться.

— Каких работ? — спросила Соколова.

— Не уточнил.

— Почему тогда в вашем документе написано: «Следы залива образовались при тушении»?

— Это типовая формулировка из шаблона пожарного убытка.

— Покажите шаблон.

Юрист ответил раньше неё:

— Служебные материалы будут предоставлены по запросу.

— Запрос получите сегодня. А сейчас ответьте: в стандартном шаблоне действительно заранее написано, откуда появилась вода?

Нина провела пальцем по краю стола.

— Там есть варианты причин. Я могла выбрать не тот пункт при подготовке.

— Могла или выбрала?

— Выбрала.

Дарья тихо сказала:

— До пожара.

Юрист потребовал не считать создание черновика признанием знания о будущем событии. Соколова попросила его замолчать до вопроса.

— Лавров сообщил о самовольной проводке в 20:47, — продолжила она. — Внутреннюю заявку Артёму он создал в 20:58. Артём написал сестре о проходе без муфты в 21:09. Ваш документ создан в 21:13. Откуда взялась ссылка на осмотр Руднева?

— Поле исполнителя подставилось из карточки.

— Карточка уже существовала?

— Лавров прислал номер договора и адрес. Я открыла предварительное дело.

— До страхового события?

— До официального уведомления.

— Я спрашиваю не об уведомлении. Вы знали, что событие уже произошло?

Нина посмотрела на Максима. В этом взгляде не было просьбы о помощи. Скорее напоминание о десятках раз, когда они вместе превращали чужой беспорядок в понятное решение.

— Я знала о возможном повреждении кладовой, — сказала она. — Лавров говорил о выявленном нарушении и вероятной претензии жильцов.

— Но не о пожаре?

— Нет.

— Тогда зачем открыли шаблон пожарного убытка?

Нина не ответила.

Соколова повторила вопрос. Юрист попросил перерыв, но следователь отказала: Нина могла не свидетельствовать против себя, однако должна была прямо это заявить.

— Сергей сказал, что там было задымление, — произнесла Нина. — Небольшое. Что его уже устраняют.

— В 20:47?

— Да.

Первое официальное сообщение о запахе гари появилось ровно через час.

Максим мысленно поставил новое время перед остальными: 20:47. Оно не объясняло происшествие, но ломало прежнюю линию сильнее, чем вода.

— Почему вы вчера не сказали мне о звонке? — спросил он.

Юрист возразил, но Соколова разрешила вопрос.

— Потому что я считала его обычным предупреждением от партнёра, — ответила Нина. — Лавров постоянно сообщает о потенциальных убытках раньше управляющей компании. Так мы успеваем назначить эксперта.

— Обычно вы сразу пишете отказ?

— Обычно я проверяю исключения.

— С моим именем под несуществующим осмотром?

— Я сказала: поле подставилось.

— А фраза о воде выбралась сама?

— Максим, не здесь.

— Именно здесь. Потому что вчера вы спросили, при чём здесь вода, хотя Лавров говорил вам о заливе ещё в 20:47.

Нина отвела взгляд.

Соколова зафиксировала противоречие и закончила опрос только через час. Телефон Нины изъяли для копирования журнала вызовов с её согласия. Юрист настоял на описи каждой операции. Когда они вышли, Дарья осталась у стены, будто ждала не разговора, а приговора.

— Теперь вы признаете? — спросила она Максима.

— Что именно?

— Что Артёма отправили туда по работе, Лавров заранее предупредил вашу начальницу о задымлении, а потом они сделали виноватым мёртвого.

— Первое подтверждается сильнее, чем вчера. Второе сказала Нина, и звонок нужно проверить. Третье — ранний акт действительно возлагал причину на проводку и хранение жильцов без осмотра.

— Вы умеете разделить одно предложение на три, чтобы ни за одно не отвечать.

— Наоборот. За каждое отвечает свой факт.

— А за человека кто отвечает?

Максим не успел ответить. В диспетчерскую вошла Ольга Мезенцева с двумя жильцами и папкой протоколов. Увидев Дарью, она остановилась.

— Нам сказали, страховая приехала пересматривать отказ.

— Страховая приехала защищать его, — сказала Дарья.

— Я отстранён от дела, — ответил Максим. — Нина Корнеева давала показания следователю.

— А выплаты?

— Решение компании мне неизвестно.

Мезенцева раскрыла папку.

— У людей кладовые залиты, вещи сгорели, пожарная сигнализация орала через одну. Застройщик говорит, виноваты жильцы. Управляющая говорит, ждите экспертизу. Теперь ещё и вы не страховая.

Дарья вытащила копию сообщения.

— Вот почему Артём был там. Он нашёл дефект.

Максим перехватил её руку прежде, чем лист попал к жильцам.

— Телефон изъят. Не раздавайте копии до проверки.

— Уберите руку.

Он отпустил.

— Если сообщение разойдётся по чатам с выводом, который ещё не установлен, свидетели начнут помнить именно его. Синицын уже вспомнил человека в каске после звонков Лаврову.

— Вы угрожаете?

— Предупреждаю. Публикация сейчас поможет только тому, кто захочет сказать, что показания жильцов подсказаны.

Мезенцева забрала лист у Дарьи, прочла и вернула.

— Я видела Артёма вечером, — сказала она.

Соколова, уже собиравшая документы, подняла голову.

— Во сколько?

— Около девяти. Он спросил, кто хранит коробки в гарантийной кладовой.

— Почему вы раньше этого не сказали?

Мезенцева прижала папку к груди.

— Потому что коробки наши. Мы сложили там остатки плитки, краску, детские велосипеды. В доме нет нормального помещения для совета. Я понимала, что пожар повесят на нас.

— Где именно встретили Круглова?

— У лифта четвёртого корпуса. Он шёл вниз.

— Один?

— Да.

— Что держал?

— Телефон и серую папку. Или журнал. Тонкий.

Дарья шагнула к ней.

— Бумажный журнал дефектов?

— Не знаю. На обложке была чёрная резинка.

В описи вещей Артёма такого журнала не значилось.

— Время можете подтвердить? — спросила Соколова.

— Я отправила в домовой чат фотографию разбитой кнопки лифта сразу после разговора. Посмотрите время.

Сообщение ушло в 21:04. На снимке отражение в металлической панели лифта показывало Мезенцеву и край мужской фигуры в синей куртке. Лица не было. В нижнем углу виднелся прямоугольник серой папки.

— Почему Артём спрашивал о коробках? — спросил Максим.

— Сказал, придётся освободить доступ к стояку. Я ответила, что без решения совета ничего не вынесу. Он разозлился: «Когда решите, будет поздно». Потом извинился.

— Он говорил о запахе, дыме, воде?

— Нет. В коридоре было сухо. Я бы заметила.

— Значит, в 21:04 воды ещё не было? — спросила Дарья.

— У лифта не было. Технический шкаф за двумя дверями, я туда не заходила.

Максим кивнул. Даже полезное свидетельство имело границы.

Соколова изъяла снимок из чата, записала данные двух жильцов и велела Мезенцевой принести перечень вещей в кладовой. Председатель побледнела.

— Там ничего опасного. Плитка, банки с водной краской, старые стулья.

— Перечень и документы на доступ.

— Доступ был у управляющей.

— А у вас?

Мезенцева призналась, что жильцы сделали дубликат ключа. Им пользовались она и ещё двое членов совета. Один из них сейчас был в командировке, второй стоял рядом и смотрел в пол.

Дарья дождалась, пока их уведут для отдельных объяснений.

— Теперь скажете, что пожар устроили жильцы из-за коробок?

— Скажу, что в кладовой были неучтённые вещи и посторонний ключ. Это нужно проверить независимо от того, удобно ли Лаврову.

— Вы всё время добавляете новых подозреваемых.

— Я добавляю доступы. Подозреваемых определяет следователь.

— А вы кем себя считаете?

Максим посмотрел на закрытую дверь, за которой Нина только что признала звонок о задымлении за час до первого официального сообщения.

— Человеком, чьим именем подписали готовый ответ.

— Тогда отмените его.

— Я не могу войти в систему.

— Напишите на бумаге. Вы же любите бумагу.

Она пододвинула ему чистый лист из принтера.

— Что написать?

— Что отказ ложный. Что Артём погиб на работе. Что причиной был дефект.

— Первое я уже заявил. Второе подтверждается, но официальный вывод ещё не сделан. Третье пока не доказано.

— Значит, опять ничего.

— Значит, ровно столько, сколько установлено.

Максим взял лист и написал: «Заключение по делу СЛ-4817, содержащее ссылку на проведённый мной осмотр, не отражает моих действий и выводов. До выезда на объект я его не составлял, не согласовывал и не подписывал. Обнаруженные при повторном осмотре обстоятельства противоречат изложенной в нём последовательности событий. Прошу приостановить применение заключения до завершения технической и внутренней проверки».

Он поставил дату и подпись.

— Этого достаточно, чтобы сегодня не ссылались на акт, — сказал он. — Передам компании через канцелярию и копию Соколовой.

Дарья прочла.

— Здесь нет имени Артёма.

— Потому что это заявление о моём заключении.

— Всегда находится причина не написать главное.

— Главное для вас и главное для этого листа — не одно и то же.

Она вернула бумагу.

— Для Артёма это было одно. Он нашёл дефект, пошёл по вызову и умер.

— Да. Но если я сейчас назову причиной дефект, а экспертиза покажет другое, Лавров получит подарок: сможет объявить ложью всё, включая подлинное сообщение и ранний звонок Нине.

— Вы боитесь ошибиться больше, чем хотите помочь.

— Я видел, что бывает, когда желание помочь записывают как факт. Получается акт до осмотра.

Дарья долго смотрела на него. Потом взяла свою копию переписки и разорвала пополам.

— Оригинал у Соколовой. Эту всё равно нельзя никому показывать.

Она сложила половинки ещё раз и бросила в урну.

— Я не собирался запрещать вам говорить о брате.

— Вы запретили говорить так, чтобы нас услышали.

— Я попросил не публиковать доказательство до проверки.

— Разница есть только для вас.

Она ушла.

Максим отнёс заявление в канцелярию компании лично. Секретарь поставила входящий номер, отсканировала лист и спросила, кому направить.

— Внутреннему контролю, юридическому отделу, Нине Корнеевой и руководителю выплат.

— Всем сразу?

— Всем сразу.

На выходе его догнал Зорин.

— Вы понимаете, что приостановка акта не возвращает вас к делу?

— Понимаю.

— И что публичные заявления от имени компании запрещены?

— Это не публичное заявление.

— Пока нет. Родственница погибшего уже написала в домовом чате, что страховщик знал о пожаре заранее.

— Она узнала это на опросе Нины?

— Неважно. От вас требуется молчать.

— От меня требуется давать правдивые показания следователю.

— И больше ничего.

Зорин протянул копию приказа. Внизу стояла подпись директора: отстранить Максима от всех выездов и доступа к убыткам до окончания проверки с сохранением оклада. Не увольнение. Пока.

— Я могу работать с архивными делами? — спросил Максим.

— Получите отдельное задание.

— Тогда дайте мне все отказы по обращениям от гарантийной службы «Северной линии» за последний год.

Зорин усмехнулся.

— Вы не выбираете задание.

— А внутренний контроль проверяет, сколько раз Лавров заранее сообщал Нине о потенциальных убытках?

Усмешка исчезла.

— Это не ваша забота.

— Уже моя. Один такой звонок закончился документом с моим именем.

— Идите домой, Руднев.

В лифте телефон завибрировал. Пришло сообщение с неизвестного номера: фотография серой папки с чёрной резинкой. Она лежала на бетонном полу рядом с мужским ботинком. Под снимком было написано: «Хотите знать, что искал Круглов, приезжайте один. Башня Б, служебный вход, 19:00».

Максим не стал отвечать. Переслал снимок Соколовой и позвонил ей.

— Мне прислали журнал Артёма.

— Не журнал. Фотографию предмета, похожего на тот, который видела Мезенцева.

— Да.

— Никуда не едьте.

— Я и не собирался.

— Хорошо, что хотя бы один из вас умеет не лезть один.

Максим посмотрел на время снимка. В свойствах, доступных в мессенджере, стояло 14:12 сегодняшнего дня. Географических данных не было. На бетоне возле папки тянулась светлая пыль, почти белая, не похожая на серую гарь кладовой.

Он увеличил край кадра. На заднем плане виднелась синяя пластиковая заглушка и кусок защитной плёнки с буквой «Б».

Башня Б ещё не была сдана.

— Инга Сергеевна, — сказал Максим. — Отправитель хочет не только выманить меня. Он показывает место.

— Я вижу пересланное. Группу уже направляю.

— Если папка там, тот, кто прислал фотографию, знает о журнале и о разговоре Мезенцевой.

— Или слышал в домовом чате. Дарья написала про серую папку десять минут назад.

Максим закрыл глаза.

— Значит, она всё-таки опубликовала.

— Не сообщение брата. Только описание пропавшего журнала и обещание награды за сведения.

— Теперь любой серый ежедневник станет журналом Артёма.

— Поэтому вы остаётесь дома, а мы проверяем.

Связь оборвалась.

Максим вышел из лифта на подземной парковке и сел в машину. На пассажирском сиденье лежала копия его заявления с входящим номером. Он добился малого: ранний акт приостановили, и его именем пока нельзя было закрыть выплату. Дарья добилась большего и опаснее: весь дом уже искал пропавший журнал.

На экране снова появилась фотография серой папки. Предмет мог быть настоящим. Мог быть приманкой. Но белая пыль на бетоне существовала независимо от подписи отправителя.

Максим записал номер, время и видимые детали, затем убрал телефон в пакет из бардачка, чтобы случайно не изменить данные.

У него не было права ехать в Башню Б как у страхового эксперта. Не было права вести расследование как у следователя. Оставалось самое неприятное право — не соглашаться с ответом, написанным раньше вопроса.

Глава 6. Сорванная пломба

Электрощит открыли в десять сорок две, при пяти свидетелях и под запись двух камер.

Одна камера принадлежала следствию. Вторую принесла управляющая компания, потому что после истории с пустым сервером никто в «Северной линии» уже не хотел отвечать за единственную копию.

Максим стоял сбоку от дверцы и смотрел не на автоматы, а на красную пластиковую пломбу. Она висела на тонкой проволоке, продетой сквозь проушины. На ребре белел номер. Издали всё выглядело так, как должно выглядеть после опечатывания: яркая метка, целая проволока, дверца закрыта.

Вблизи пластик был матовым с одной стороны и блестящим с другой.

— Не трогайте, — сказал Максим.

Электрик управляющей компании уже поднял руку к пломбе и замер.

— Я и не трогаю.

— Вы тянулись.

— Хотел номер повернуть.

— Поэтому и не трогайте.

Следователь Инга Соколова попросила всех назвать себя на камеру. Электрика звали Виктор Беляев. Кроме него пришли пожарный дознаватель Павел Юдин, представитель сетевой организации в синей куртке и Сергей Лавров. Дарью Соколова оставила за ограждением в конце коридора. Та спорила две минуты, потом согласилась при условии, что ей покажут опись сделанных снимков.

Лавров держался ближе всех к выходу.

— Это обычная контрольная пломба управляющей компании, — сказал он. — Она не имеет отношения к месту возгорания. Кладовая на другой группе.

— Мы ещё не открыли щит, — ответил Юдин.

— Схема у меня есть.

— Тогда тем более помолчите до осмотра.

Максим попросил оператора снять номер крупно, затем провести камерой по всей проволоке, не меняя положения пломбы. На нижней петле металл был светлым. Выше проволока потемнела от пыли. Светлый участок длиной с ноготь означал только одно: его недавно прикрывал пластик или чьи-то пальцы. Но слово «недавно» без сравнения ничего не стоило. В новом доме пыль могла лечь за день, а могла не лечь за неделю.

Беляев показал журнал опечатывания. В ночь пожара он приехал в 23:18 по вызову диспетчера, отключил две группы цоколя и повесил красную пломбу номер 184731. В журнале стояла подпись охранника Синицына. На щите висела 184739.

— Девять вместо одного, — сказал Юдин.

— Вижу, — ответил Беляев.

— Могли ошибиться при записи?

— Мог. Номера мелкие, свет тогда мигал.

— Могли взять другую пломбу?

— Тоже мог. Они в одной ленте.

Дарья за ограждением коротко усмехнулась.

— У вас всё могло.

Соколова обернулась:

— Ещё одна реплика — будете ждать этажом выше.

Максим попросил журнал выдачи пломб. Беляев недовольно объяснил, что отдельного журнала нет. Пакет хранится в аварийном чемодане, номера идут подряд, расход списывают количеством в конце месяца.

— Кто имеет доступ к чемодану?

— Дежурные электрики.

— Сколько человек?

— Четверо в нашей сменной группе. И мастер.

— Чемодан запирается?

— Защёлкивается.

— То есть открыть может любой, у кого он в руках.

— Если он у вас в руках, значит, вам его выдали.

— Я спросил про замок.

— Замка нет.

Представитель сетевой организации присел перед щитом, не заходя за линию, которую Юдин наклеил на пол.

— Наша пломба синяя и ставится на отсек учёта, — сказал он. — Эта дверца после границы ответственности дома. Мы её не учитываем.

— Ваши сотрудники могли её открывать? — спросила Соколова.

— Законно — при аварии, если требовалось обесточить домовую часть и представитель управляющей компании присутствовал. Но в нашем журнале выезда сюда нет.

— А подрядчик застройщика?

Беляев пожал плечами:

— На гарантии они постоянно лазят. По заявке, с допуском.

Лавров оттолкнулся от стены.

— Не «лазают». Выполняют работы по актам допуска. И в щиты управляющей компании без её электрика не входят.

— Входят, — сказал Беляев. — Когда ваши же автоматы меняли, входили.

— С вашим мастером.

— Мастер расписался и ушёл в соседний подъезд.

— Это ваше нарушение допуска, не наше.

Соколова подняла ладонь, прерывая спор.

— По одному. Беляев, назовите законные причины открыть этот щит после пожара.

Электрик стал загибать пальцы.

— Проверка сопротивления изоляции. Восстановление питания неповреждённых групп. Снятие показаний со счётчика общедомовых нужд, хотя он в отдельном отсеке. Проверка автоматики насосов. Допуск пожарной лаборатории. Ещё аварийное отключение, если запах или нагрев.

— Кто из этих людей обязан заменить вашу красную пломбу?

— Тот, кто снял, вызывает нас. Мы ставим новую.

— Всегда?

Беляев посмотрел на номер 184739.

— Должны всегда.

Ответ означал: не всегда.

Юдин сфотографировал журнал рядом с пломбой. Затем достал из пакета тонкую линейку и показал на проволоку.

— Здесь перекрутка.

Она находилась за пластиковым корпусом, почти у самой дверцы. Два конца проволоки были сведены и скручены на четыре оборота. Пломба закрывала соединение, если смотреть прямо. Сверху виднелся короткий хвост.

— Значит, вскрывали, — сказала Дарья.

— Значит, проволока соединена, — поправил Максим.

Она шагнула к ограждению.

— Вы сами видите.

— Я вижу перекрутку. Не вижу, когда её сделали и зачем открывали дверцу.

— После пожара, чтобы убрать следы.

— Возможно. А возможно, Беляеву не хватило длины в ночь пожара. Или пломбу снимали утром для законной проверки. Если мы назовём любую перекрутку сокрытием, защита потом покажет акт допуска, и вместе с ошибкой развалится всё, что лежало рядом.

— Очень удобно заранее готовить защиту Лаврову.

— Удобно будет тому, кто заставит нас спешить.

Соколова велела Дарье отойти. Максим заметил, что Лавров не смотрит ни на неё, ни на него. Он смотрел на Беляева.

Пломбу сняли вместе с участком проволоки. Юдин перерезал её далеко от перекрутки, каждый предмет положил в отдельный пакет. На внутренней стороне дверцы обнаружилась царапина с блестящим краем. Ни копоти, ни следа сильного нагрева здесь не было.

В щите пахло пылью и старым лаком. Два автомата были выключены. Над ними Беляев когда-то написал маркером «КЛАД» и «КОР». Рядом имелись свободные места, закрытые пластиковыми заглушками. Одна заглушка сидела криво.

Максим попросил сначала снять общий вид, потом проверить схему.

— Группа кладовой вот эта, — Беляев указал на автомат «КЛАД». — Кабель уходит по лотку вправо, потом вниз.

— Почему Лавров сказал, что кладовая на другой группе?

Лавров ответил сам:

— Я имел в виду, что противопожарная автоматика запитана отдельно.

— Вы сказали: «Кладовая на другой группе».

— Неточно выразился.

Максим не стал спорить. Неточность записала камера.

Автомат кладовой находился в выключенном положении. На его рычаге лежала ровная серая пыль, кроме узкой полосы у края. Будто его касались пальцем. На соседнем выключенном автомате коридора пыль была смазана сильнее.

— После пожара вы отключали оба? — спросил Максим.

— Да, — сказал Беляев. — Сначала общий ввод секции, потом эти две группы. Когда убедился, что дальше не греется, общий вернул.

— Рычаг кладовой уже был выключен?

Электрик помолчал.

— Не помню.

— В журнале написано: «Отключены аварийные группы одиннадцать и двенадцать».

— Значит, отключил.

— Вы записали результат, а я спрашиваю исходное положение.

— Ночью дым, люди ходят, пожарные требуют свет. Я не фотографировал каждый рычаг.

Юдин спросил, мог ли автомат отключиться при коротком замыкании. Беляев сказал, что мог. Мог и при перегрузке. Мог от ручного нажатия. Чтобы различить причины, требовалось исследование самого автомата и кабеля, а не взгляд на положение рычага.

— Снимем? — спросила Соколова.

— Если снимете сейчас, дом останется без линии кладовых, — сказал Беляев. — Нужен временный автомат и лаборатория. Я могу организовать.

— Сколько времени?

— Сегодня к вечеру.

Лавров покачал головой.

— На повреждённой линии уже были замеры после пожара. Повторять без основания — только плодить расходы.

— Кто делал замеры? — спросил Максим.

— Электролаборатория застройщика.

— Когда?

— Утром после происшествия.

— До или после новой пломбы?

Лавров повернулся к Беляеву:

— У вас должен быть акт допуска.

Электрик листал журнал, начиная с ночной записи. На следующей странице стояли две заявки: восстановление света в коридоре в 08:30 и проверка насосной автоматики в 11:15. Электролаборатории среди них не было.

— Они могли зайти с мастером, — сказал Беляев.

Он позвонил мастеру по громкой связи. Тот долго не отвечал, затем признал, что в девять утра пропустил двух сотрудников гарантийной службы к щиту. Один представился инженером электролаборатории, второй принёс переносной прибор. Мастер открыл дверцу, потому что Лавров прислал ему сообщение с просьбой ускорить восстановление. Красную пломбу они сняли бокорезами. Новую повесил сам мастер из того же аварийного чемодана.

— Номер записали? — спросила Соколова.

В трубке стало тихо.

— В акте должен быть.

— У вас копия есть?

— Они забрали на подпись.

— Кто именно?

— Не знаю фамилий. Один молодой, второй постарше.

— Лица узнаете?

— Наверное.

— Что проверяли?

— Сопротивление линии. Сказали, кабель повреждён в кладовой, выше всё нормально.

— Автомат снимали?

— Нет. Провода отсоединяли, потом вернули.

— Положение автомата при открытии помните?

— Выключен был. Или они выключили. Не скажу.

Соколова попросила мастера ни с кем не обсуждать звонок и приехать для объяснения. Когда разговор закончился, Беляев провёл ладонью по лицу.

— Он обязан был записать номер.

— А вы обязаны учитывать пломбы, — сказал Юдин. — Получается, перекрутка не нужна была. Старую срезали, новую поставили.

— Тогда кто скрутил эту?

Ответа не было.

Максим попросил показать пакет оставшихся пломб. Беляев принёс аварийный чемодан из служебной машины. На связке шли номера 184744, 184745, 184746. Пяти пломб между ночной записью и остатком не хватало. Три Беляев нашёл в журнале по другим адресам. Номер 184739 нигде не значился.

— Его мог взять мастер утром, — сказал он.

— Мог, — согласилась Соколова. — И мог кто-то ещё из вашей группы. Пока это не указывает на конкретного человека.

Дарья снова подала голос:

— Но указывает, что после смерти Артёма сюда приходили люди Лаврова без записи.

На этот раз Соколова не выгнала её.

— Указывает со слов мастера, что он допустил двух людей, назвавшихся сотрудниками гарантийной службы. Их личности и работа не установлены.

— Лавров сам отправил сообщение.

— Сообщение изымем.

Лавров впервые повысил голос:

— Я отправил специалистов восстановить безопасность дома. Если бы мы ждали бумажного согласования, жильцы до сих пор ходили бы по тёмному коридору. Это не сокрытие, а аварийные работы.

— Тогда почему нет акта? — спросил Максим.

— Потому что у управляющей компании бардак.

— Ваши специалисты забрали документ.

— Если забрали, он будет в архиве.

— Назовите их.

— Я не диспетчер отдела. Подниму наряд.

— Вы помните звонок Корнеевой в 20:47, но не помните, кого послали в щит после гибели человека?

Лавров шагнул к нему.

— Я помню десятки звонков и десятки выездов. А вы сейчас подменяете вопрос. Пожар начался до утренней проверки. Даже если утром кто-то заменил пломбу неправильно, Артёма это не убило.

Максим увидел, как Дарья открыла рот, и заговорил раньше неё.

— В этом вы правы.

Коридор словно стал тише.

— Максим, — сказала Дарья.

— Утреннее открытие щита не могло вызвать пожар накануне. Пломба доказывает доступ после события. Она может показать, что исходное состояние линии изменили, но не доказывает причину возгорания и не называет виновного.

Лавров усмехнулся.

— Наконец эксперт вспомнил профессию.

— Поэтому нам нужны результаты ваших замеров, исходные файлы прибора и люди, которые их делали. Если это была обычная проверка, документы защитят вас лучше любой речи.

Улыбка исчезла.

Юдин попросил Беляева не включать группу кладовой и организовать замену автомата под наблюдением. До приезда лаборатории щит закрыли временной номерной наклейкой следствия. Красную пломбу, проволоку и срез упаковали. Перекрутка осталась внутри прозрачного пакета, маленькая и почти нелепая по сравнению с тем, сколько версий уже успела породить.

В диспетчерской Соколова составила перечень документов: наряд на утреннюю проверку, акт допуска, протокол измерений, журнал выдачи приборов, сообщение Лаврова мастеру и данные сотрудников. Лавров подписал получение требования и написал рядом: «Будет представлено после поиска в архиве».

— Какой срок? — спросил он.

— Сегодня до восемнадцати.

— Нереально.

— Тогда представьте то, что нашли, и письменно укажите, чего нет.

Он ушёл, не попрощавшись.

Дарья дождалась, пока дверь закроется.

— Вы дали ему готовую версию: после пожара, значит, не причина.

Максим сел напротив неё.

— Это не версия, а время. Его нельзя переставлять потому, что нам неприятен человек.

— Они вошли утром и могли заменить автомат.

— Могли. Могли отсоединить кабель. Могли записать удобные результаты. Поэтому исходное состояние теперь труднее восстановить. Это важно.

— Но не причина.

— Не доказанная причина. Разница не словесная. Если автомат заменили утром, мы не сможем по нынешнему автомату узнать, сработал ли старый ночью. Если провода переподключили, следы на клеммах уже не исходные. Это вмешательство могло уничтожить сведения о причине. Само вмешательство причиной ночного пожара от этого не становится.

Дарья смотрела на пакет с пломбой, лежавший у Соколовой.

— Артём ненавидел такие разговоры. Когда на стройке падала плитка, ему говорили: падение случилось вчера, а акт составлен сегодня, значит, акт никого не ударил.

— И были правы насчёт акта. Но акт мог скрыть, кто не закрепил плитку.

— Вы правда считаете, что здесь то же самое?

— Я считаю, что кто-то очень торопился сделать неисправность понятной. Ночью — ранний отказ. Утром — проверка без записи. В обоих случаях бумага появилась вместо сохранённого состояния.

Соколова подняла голову от протокола.

— Это уже оценка, Руднев.

— Да. В заключение её не внесу.

— Но произнесли.

— Потому что дальше надо искать не только пломбу. Нужен утренний наряд и прибор. Электронный измеритель хранит номера замеров и время. Если файлы остались, увидим, когда работали и сколько линий проверили.

— Если прибор не очистили, — сказала Дарья.

— Если очистили, журнал выдачи покажет, у кого он был.

Соколова записала это отдельной строкой.

В половине первого приехала лаборатория управляющей компании. Автомат сняли при тех же свидетелях. На корпусе оказался заводской номер, совпадавший со старой ведомостью монтажа. Его не заменяли. Следов оплавления снаружи не было. На одной клемме виднелись две свежие дуги от отвёртки; специалист объяснил, что такие следы могли остаться при утреннем отсоединении кабеля. Внутреннее состояние предстояло исследовать отдельно.

Кабель проверили с обоих концов. Повреждение изоляции находилось в кладовой, там, где оболочка пострадала от жара. Выше линия выдержала испытание. Это подтверждало лишь место повреждения, но не порядок: электрическая дуга могла начать пожар, а могла возникнуть уже после того, как пламя разрушило оболочку.

— То есть опять ничего? — спросила Дарья.

— Наоборот, — сказал Юдин. — Мы теперь знаем, чего этот замер не доказывает.

Максим посмотрел на него с благодарностью. Иногда самая дорогая часть экспертизы заключалась именно в этом.

В 14:07 Лавров прислал Соколовой один файл — скан протокола электролаборатории. В нём стояло время проверки 09:20, прибор ЭТЛ-6 и вывод: «Аварийный режим возник вследствие короткого замыкания в самовольно подключённой линии кладовой».

Максим прочитал документ дважды.

— Что? — спросила Дарья.

Он повернул экран к Соколовой.

— Утром они измеряли сопротивление изоляции. Такой замер показывает, есть ли повреждение. Он не устанавливает, кто подключил линию, и сам по себе не доказывает, что замыкание было первым событием. Но вывод уже повторяет отказ Нины.

— Те же слова?

— «Самовольно подключённая линия». Дословно.

Соколова увеличила подпись внизу.

— Исполнитель — Артём Круглов.

Дарья перестала дышать.

В протоколе значилось, что её брат провёл измерения в девять двадцать утра — через одиннадцать часов после того, как его тело вынесли из кладовой.

Глава 7. Последний наряд

В системе гарантийной службы Артём Круглов оставался жив до восьми семнадцати следующего утра.

В это время его наряд получил зелёную отметку «выполнено», к записи прикрепили протокол измерений, а внизу появилась электронная подпись: «А. В. Круглов».

Максим смотрел на экран ноутбука Соколовой и чувствовал почти физическое отвращение к аккуратности карточки. Все поля были заполнены. Время начала — 21:06. Время завершения — 08:17. Причина обращения — шум в стояке. Результат — проверена электрическая линия кладовой, обнаружено самовольное подключение. Заказчик уведомлён.

— Кто заказчик? — спросила Дарья.

Они сидели в переговорной офиса гарантийной службы. Лавров предоставил доступ после письменного требования и разговора с юристом застройщика. Сам он расположился у противоположной стены и каждые несколько минут напоминал, что система содержит коммерческие сведения.

— Управляющая компания, — ответил он.

— Где её уведомление?

— В карточке стоит отметка.

— Я вижу отметку. Где письмо, звонок, подпись человека?

— Способ уведомления мог быть устным.

Соколова попросила оператора системы открыть историю изменений, не саму карточку. Молодой администратор по имени Кирилл несколько раз щёлкнул мышью и показал боковую панель.

В 20:58 наряд создал пользователь `lavrov_s`.

В 21:06 статус изменил пользователь `mobilecommon03`.

В 22:36 тот же пользователь добавил причину отмены: «доступ не предоставлен».

В 07:54 отмену снял `lavrov_s`.

В 08:11 к наряду прикрепили файл протокола.

В 08:17 `mobilecommon03` закрыл работу и поставил подпись Артёма.

— Вчера вы показывали отменённую заявку, — сказал Максим.

Лавров не отвёл взгляда.

— Вчера она была отменена в мобильном представлении. После синхронизации статус обновился.

— История говорит, что отмену сняли вы утром.

— Потому что работы всё же выполнили.

Дарья положила ладони на стол.

— Мой брат не выполнял их утром.

— Измерения могли быть проведены ночью до происшествия.

— В протоколе стоит 09:20.

— Это время оформления.

— А в карточке — 08:17.

— Разные системы, разные часы.

Максим повернулся к администратору:

— Время истории берётся с планшета или с сервера?

Кирилл посмотрел на Лаврова.

— Отвечайте специалисту, — сказала Соколова.

— С сервера. На планшете может быть своё время, но при синхронизации событие получает серверную отметку. В расширенном журнале сохраняются обе.

— Откройте расширенный.

— Нужны права администратора.

— У вас они есть?

— Есть.

— Тогда открывайте.

В расширенном журнале строк стало больше. У каждого действия имелись серверное время, локальное время устройства, номер версии приложения, адрес подключения и идентификатор аппарата.

Подпись Артёма отправили с планшета `GT-03-117`. Локальные часы показывали 08:14, сервер принял пакет в 08:17. В поле способа стояло `PIN + stylus` — четырёхзначный код и росчерк на экране.

— Покажите сам росчерк, — попросила Дарья.

Кирилл открыл изображение. На белом прямоугольнике находилась синяя линия, похожая на две соединённые петли. Максим видел подпись Артёма только на копии трудового договора, которую Дарья принесла раньше. Там фамилия начиналась с высокой угловатой буквы и заканчивалась длинной чертой.

— Это не его подпись, — сказала она.

— Эксперт сравнит, — ответила Соколова.

— Я вижу.

— И я вижу различия. Но в протокол запишем то, что можем установить сейчас: изображение подписи не совпадает очевидно по форме с представленным образцом. Авторство требует исследования.

Лавров усмехнулся без радости.

— В рабочей системе никто не расписывается как в паспорте. Люди ставят крючок на ходу.

— Тогда зачем вы называете это подписью Артёма? — спросил Максим.

— Потому что введён его код.

— Кто знал код?

— Код персональный.

Кирилл кашлянул.

— Формально персональный.

Лавров медленно повернул к нему голову.

— Что значит «формально»?

— При выдаче планшетов мастер часто задаёт сотрудникам последние четыре цифры телефона. Чтобы не забывали.

Дарья назвала четыре цифры номера брата. Кирилл ввёл их в отдельное поле проверки без сохранения. Система показала: код соответствует профилю Артёма.

— То есть его мог поставить любой, кто знал телефон, — сказала она.

— Или видел, как Артём входит, — добавил Кирилл. — На общем планшете профили не скрыты. Выбираешь имя, вводишь код.

— Почему общий планшет позволяет подписывать работы от имени конкретного сотрудника?

— Так настроили. На объектах связь плохая, телефоны разряжаются. Бригада берёт один аппарат.

Соколова попросила журнал выдачи `GT-03-117`.

Бумажный журнал лежал в тумбе диспетчера. На обложке было написано «Планшеты», внутри — дата, номер аппарата, фамилия и подпись. В день пожара планшет получил мастер смены Роман Ельцов в 18:45. Возврат не отмечен. Утром следующего дня аппарат распиской приняла диспетчер Алина Нечаева в 08:31.

— Где Ельцов? — спросила Соколова.

— После ночной смены дома, — ответил Лавров.

— Вызовите.

— Он не обязан являться по первому звонку.

— Тогда сообщите адрес и телефон.

Лавров записал номер на листке.

Кирилл выгрузил журнал устройства. В 21:06 планшет подключался к внутренней сети из комнаты мастеров в Башне А. В 22:36 — оттуда же. В 08:17 пакет пришёл уже из сети офиса гарантийной службы, где они сейчас сидели.

— География точнее? — спросил Максим.

— Только точка доступа. Вот код: `OFFICE-2F-WEST`.

— Значит, утром планшет был здесь, на втором этаже.

— Или рядом, где ловит эта сеть.

— Кто открыл офис?

Лавров ответил после паузы:

— Я приехал около половины восьмого. Диспетчер — к восьми. Сотрудники лаборатории могли зайти раньше начала смены.

— И планшет, который по журналу вернули в 08:31, уже находился здесь в 08:17.

— Ельцов мог оставить его ночью.

— Тогда запись о выдаче ничего не значит.

— Я не отвечаю за почерк диспетчера.

Соколова не спорила. Она попросила показать список устройств, которые в то же утро входили в систему с этой точки. Кирилл выгрузил таблицу. В 07:48 появился ноутбук Лаврова. В 08:03 — телефон Нечаевой. В 08:09 — планшет `GT-03-117`. В 08:10 — прибор электролаборатории, обозначенный как `ETL-6`, передал файл через служебную программу.

— Прибор сам загружает протокол? — спросил Максим.

— Не совсем. Его подключают кабелем к планшету, приложение забирает измерения и формирует файл.

— Кто вошёл в приложение?

Кирилл открыл ещё один журнал.

Пользователь `lab_borisov` авторизовался в 08:08. Через две минуты он выгрузил четыре измерения. В 08:11 файл прикрепили к наряду Артёма. В 08:17 наряд закрыли под профилем Артёма.

— Борисов кто? — спросила Соколова.

— Алексей Борисов, инженер лаборатории, — ответил Лавров. — Он и проводил проверку.

— Один из тех двоих у щита?

— Вероятно.

— Почему в протоколе исполнитель Артём?

— Шаблон подтянул назначенного сотрудника.

— И подпись тоже шаблон подтянул?

— Нет. Кто-то закрыл наряд неверно. Это нарушение оформления, я не отрицаю.

Дарья встала.

— Нарушение оформления? Вы взяли имя мёртвого человека и подписали им свой вывод.

— Я ничего не подписывал.

— Ваш ноутбук был здесь.

— Мой ноутбук каждый день здесь.

— Вы сняли отмену в 07:54.

— Потому что лаборатория выполнила проверку.

— До проверки. Они вошли в восемь восемь.

Лавров тоже поднялся.

— Я восстановил наряд для загрузки результатов. Это обычная последовательность работы.

— Обычная последовательность — сначала вернуть мёртвого сотрудника в задание, потом поставить за него подпись?

Соколова встала между ними.

— Дарья, выйдите в коридор на пять минут.

— Почему я?

— Потому что ещё одна фраза — и вы толкнёте его. Мне не нужен второй материал вместо первого.

Дарья посмотрела на свои сжатые руки, будто только сейчас заметила их, и вышла.

Максим остался у стола. Он понимал её ярость, но видел и опасность удобного вывода. Посмертная подпись доказывала подделку рабочего документа или, по меньшей мере, внесение ложных сведений. Она не доказывала, кто находился в кладовой ночью. Утренний пользователь мог скрывать халатность, страховой риск, массовый дефект или чью-то более тяжёлую вину. Мотивов было слишком много.

— Сохраните полную выгрузку, — сказал он Соколовой. — Не только снимки экрана. Сведения о версии, времени сервера, устройстве, точке доступа и всех изменениях.

— Уже копируют.

— И контрольную сумму файла.

Кирилл кивнул:

— Система может сформировать архив с журналом целостности.

— Формируйте на два носителя, — сказала Соколова. — Один изыму, второй опечатаете у себя.

Лавров сел обратно.

— Вы раздуваете ошибку диспетчера до уголовного дела.

— Какую именно ошибку допустил диспетчер? — спросила Соколова.

— Закрыл наряд не под тем профилем.

— Вы уже знаете, что это диспетчер?

— Я предполагаю.

— Пять минут назад вы говорили «кто-то».

— Потому что не хочу обвинять сотрудника без проверки.

Максим посмотрел на него.

— Разумная осторожность. Жаль, в протоколе про самовольную линию её нет.

Лавров ничего не ответил.

Алину Нечаеву нашли на первом этаже. Она пришла с кружкой чая и села на самый край стула. Ей было двадцать шесть, и она всё время поправляла рукав, закрывая татуировку на запястье.

— Планшет утром принёс Роман, — сказала она. — Положил на стойку и ушёл переодеваться.

— Во сколько?

— Без десяти восемь или около того.

— Почему в журнале возврат 08:31?

— Я записала, когда освободилась. У нас аварийные заявки шли.

— Кто брал аппарат между восьмью и восемью тридцатью?

— Борисов попросил выгрузить замеры. Я дала.

— Он вводил код Артёма?

— Не видела. Я отвечала на звонки.

— Кто ещё был в комнате?

— Сергей Викторович. Кирилл заходил. Второй электрик с Борисовым, фамилию не знаю.

— Наряд кто закрыл?

Алина поставила кружку на пол.

— Я нажала «выполнено».

Лавров резко выпрямился.

— Зачем?

— Вы сказали закрыть хвосты по пожару до планёрки.

— Я не говорил использовать профиль Круглова.

— Там уже стояло его имя. Я выбрала, ввела код и расписалась.

— Откуда знали код?

— У всех последние цифры телефона. Это все знают.

Соколова показала ей изображение подписи.

— Ваш росчерк?

— Наверное. Я обычно так ставлю. Там пальцем неудобно.

— Вы знали, что Артём погиб?

Алина закрыла лицо ладонью.

— Знала.

— Тогда почему подписали его именем?

— Я не думала, что это настоящая подпись. Это просто закрыть задачу. Иначе красная строка висит, начальство спрашивает.

— Какое начальство?

Она убрала руки и посмотрела на Лаврова.

— Сергей Викторович на планёрке спрашивает.

— Я спрашиваю о незакрытых нарядах, — сказал он. — Не требую подделывать подписи.

— А как их закрывать, если приложение без подписи не пускает?

— Через служебную отмену.

— Вы сами сняли отмену.

Алина произнесла это тихо, но фраза осталась в комнате громче остальных.

Соколова уточнила последовательность. Лавров в 07:54 восстановил наряд и велел прикрепить результаты лаборатории. Борисов выгрузил замеры. Алина увидела, что карточка требует подпись исполнителя. Она выбрала профиль Артёма, ввела известный код и поставила росчерк. Лавров в этот момент разговаривал по телефону у окна. Прямого указания подписываться чужим именем она не получила.

— Раньше так делали? — спросил Максим.

— Иногда. Если мастер уехал, а акт нужен сегодня.

— Под профилем живого сотрудника?

— Под разными.

— Лавров знал?

— Все знали, что наряды закрывают диспетчеры.

— Это не ответ.

— Я не могу знать, что он видел на экране.

Соколова не позволила Максиму продолжить. Она оформила добровольную передачу рабочего телефона Алины и предупредила, что объяснение будет проверяться. Девушка подписала протокол, несколько раз перечитав каждую страницу.

Когда она ушла, Лавров потребовал внести, что не давал распоряжения подделывать подпись.

— Внесём ваши слова, — сказала Соколова.

— И что измерения реальные.

— Это оценят специалисты.

— Борисов подтвердит.

— Тогда предоставьте его и исходные файлы прибора.

Кирилл закончил копирование архива. На экране появилась длинная строка из букв и цифр — контрольный отпечаток. Соколова переписала её в протокол и дала всем сверить.

Максим попросил открыть сами четыре измерения. Три относились к линии кладовой и коридору. Четвёртое имело другую метку: `B-TOWER-F3-RISER`.

— Это что? — спросил он.

Кирилл прочитал:

— Башня Б, третий этаж, стояк.

— Почему замер из другой секции попал в прибор утром после пожара?

Лавров ответил слишком быстро:

— Лаборатория работала там раньше.

— Время файла — 06:42 этого утра.

— Значит, перед нашим щитом заехали туда.

— По какому наряду?

— Поднимем.

Максим вспомнил фотографию серой папки на белой строительной пыли и край плёнки с буквой «Б». До этого Башня Б была только возможной приманкой неизвестного. Теперь её название появилось в исходном журнале прибора, который гарантийная служба сама использовала для посмертного протокола.

Он не сказал об этом Лаврову. Соколова тоже промолчала, но по тому, как она закрыла ноутбук, Максим понял: она заметила связь.

В коридоре Дарья ждала у автомата с водой.

— Кто подписал?

— Диспетчер Алина признала, что закрыла наряд под профилем Артёма. Говорит, Лавров велел закрыть незавершённые работы, но прямо чужую подпись ставить не требовал.

— И вы ей верите?

— Я передаю, что она сказала.

— Это подделка.

— Да. В карточке создали ложное впечатление, что Артём утром выполнил и принял работу.

Дарья впервые за всё утро не спорила с его формулировкой.

— Значит, Лавров попался.

— На восстановлении наряда и использовании результата после смерти Артёма — да. На убийстве — нет.

— Опять разделяете.

— Обязан. Если Алина подписывала за сотрудников раньше, это объясняет способ. Если Лавров сознательно вернул именно этот наряд, чтобы прикрыть утренний замер именем погибшего, это показывает сокрытие. Но ни одно не доказывает, что он вызвал пожар или оставил Артёма в кладовой.

— Вам никогда не бывает достаточно?

— Бывает. Когда доказательство отвечает на тот вопрос, который ему задают.

Она отвернулась к окну. На другой стороне двора стояла Башня Б — незаселённая, с белой плёнкой на окнах нижних этажей.

— В приборе есть замер оттуда, — сказал Максим. — Сделан в шесть сорок две утра.

Дарья сразу повернулась.

— Папка.

— Возможно. Но теперь у нас есть законное основание проверить маршрут лаборатории, не отвечая неизвестному и не идя на встречу.

— Когда?

Соколова вышла из переговорной с опечатанным носителем.

— После того как получу документы на доступ, — сказала она. — А до этого никто из вас к Башне Б не подходит.

Дарья посмотрела на Максима.

— Вы уже один раз послушались и не пошли.

— Поэтому фотография осталась уликой, а не объяснением, почему нас нашли рядом со взломанной дверью.

Она хотела возразить, но в этот момент телефон Соколовой зазвонил. Следователь выслушала несколько фраз, записала адрес и спросила:

— Планшет при нём?

После ответа её лицо изменилось.

Романа Ельцова нашли дома. Общего планшета у него не было, зато в кармане рабочей куртки лежал универсальный ключ от технических помещений «Северной линии».

На бирке маркером было написано: «Б-3».

Глава 8. Ключ от пустого этажа

Ключ лежал в прозрачном пакете на столе у Соколовой и выглядел слишком обыкновенно для вещи, из-за которой троих людей уже успели назвать соучастниками.

Плоская металлическая головка, потёртый стержень, синяя пластиковая бирка. На бирке чёрным маркером было выведено: «Б-3». Ни номера комплекта, ни печати, ни фамилии получателя.

Роман Ельцов сидел напротив и смотрел не на ключ, а на собственные ладони. Он был крупным мужчиной лет сорока, с воспалёнными веками и белой полосой строительной пыли на правом рукаве. Рабочую куртку у него изъяли дома. Сам он приехал добровольно, хотя перед этим успел дважды спросить по телефону, обязательно ли брать адвоката.

— Где получили? — спросила Соколова.

— На объекте.

— Это я вижу. У кого, когда и под какую работу?

— Не помню у кого. Ключи в ящике лежат.

— В каком ящике?

— У мастеров. За диспетчерской.

— Открытом?

— Обычно закрытом.

— Чем?

Ельцов поднял глаза.

— Ключом.

Дарья, сидевшая у стены, коротко выдохнула. Максим не понял, был это смешок или попытка удержаться от реплики.

Соколова положила рядом с пакетом фотографию изъятой куртки.

— Этот ключ находился во внутреннем кармане. Вы сказали сотруднику, что куртку не надевали после ночной смены. На рукаве свежая белая пыль. В Башне Б на третьем этаже идут отделочные работы. Утром там сделан замер прибором лаборатории. Объясняйте последовательно.

— Я не был там утром.

— Тогда откуда ключ?

— Тимур вернул ночью.

Дарья подалась вперёд.

— Сантехник?

Соколова остановила её ладонью, не оборачиваясь.

— Во сколько вернул?

— После аварии. Может, в двенадцать. Может, позже. Там все бегали.

— Где именно передал?

— В комнате мастеров.

— Что сказал?

— Что больше не нужен.

— Для чего брал?

— Стояк посмотреть.

— В Башне Б?

— Не знаю. На бирке написано.

Максим записывал ответы в блокнот, хотя Соколова вела звук. На бумаге уклонение становилось нагляднее: не помню, не знаю, может быть. Но между пустыми словами уже появился

один проверяемый факт. Ельцов назвал Тимура раньше, чем ему показали журнал выдачи или спросили о конкретном человеке.

— Тимур Валеев утверждает, что в день пожара универсального ключа не получал, — сказала Соколова.

Ельцов вскинул голову.

— Врёт.

— Почему вы уверены?

— Потому что я сам ему дал.

— Только что вы не помнили, у кого получили ключ.

— Я не помню, кто его до меня в ящик положил. А Тимуру дал я.

— Во сколько?

— После обеда.

— Точнее.

— Часа в четыре.

— Где?

— В мастерской.

— Кто видел?

— Никого не считал.

— Запись есть?

— На такие ключи не пишут.

— Почему?

Ельцов пожал плечами.

— Потому что это не ключ от квартиры. Там пустые этажи.

Фраза прозвучала почти убедительно. Максим уже встречал такую логику в десятках убытков: если помещение пока ничьё, значит, и доступ в него будто бы ничего не значит. Потом в пустом помещении находили чужой материал, временную проводку, демонтированное оборудование и следы людей, которых там официально не было.

— Что открывает этот ключ? — спросил он.

Ельцов посмотрел на Соколову, словно решал, обязан ли отвечать страховщику.

— Технические двери третьего этажа Башни Б. Шкафы, лестничный выход, помещение слаботочки. Может, ещё подсобку. Личинки одинаковые ставили на время отделки.

— Кладовую, где погиб Артём, открывает?

— Нет. Там другая секция и другой комплект.

— Проверяли?

— Я работаю на объекте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.